

А. Н. НАСОНОВ

ЛАВРЕНТЬЕВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ
И ВЛАДИМИРСКОЕ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIII в.

Владимирское великокняжеское летописание первых десятилетий XIII в. отразилось в двух дошедших до нашего времени летописных сводах.

Первый из них — свод 1305 г., сохранившийся в единственном списке второй половины XIV в., известный под именем Лаврентьевской летописи. В нем, однако, владимирское летописание первых десятилетий XIII в., с 1206 г., погребено в значительной мере под пластом более позднего слоя — ростовского: ростовская летописная работа бросает как бы исполинскую тень на летописание предыдущих десятилетий. Восстановление владимирского текста хотя бы частично в первоначальном, «чистом» виде, выделение его из материала известий Лаврентьевской летописи первой половины XIII в., с требуемой точностью и достоверностью, едва ли выполнимо без привлечения параллельных текстов; только при этом условии исследователь может получить более или менее надежный критерий при работе. Параллельные тексты к Лаврентьевской дают Радзивилловская и Московско-Академическая летописи, но при исследовании нашей темы они мало полезны, так как обе кончаются известием 1205 г. (точнее — оригинал Радзивилловской), а до 1206 г. мы и так в Лаврентьевской имеем сравнительно «чистый» владимирский текст. Владимирским летописанием в какой-то мере пользовался составитель так называемого Летописца Переяславля Суздальского, но он кончается 1213 г.

Второй летописный свод, который заключает в себе тексты владимирского летописания за первые десятилетия XIII в., это — Московский свод 1479 г. В нем отразился владимирский летописный текст в первоначальном («чистом») виде, т. е. таким, каким он был до того, как подвергся ростовской обработке. Но сохранился он в сложном по составу Московском своде (1479 г.) только

отдельными фрагментами наряду с извлечениями из других источников. Иными словами, чтобы судить об этих фрагментах, надо их сначала добыть из текста Московского свода, что возможно сделать, зная, какие другие источники вошли в Московский свод. А получив эти фрагменты, мы получим необходимые для нашего исследования параллельные тексты к Лаврентьевской летописи.

Сначала остановимся на своде 1305 г., потом перейдем к ростово-суздальскому источнику Московского свода.

* * *

Лаврентьевская летопись, содержащая свод 1305 г., дошла до нас в оригинале, что придает ей исключительный интерес, и с припиской того самого монаха, который писал ее (вместе с помощниками), — монаха Лаврентия.

При каких обстоятельствах появилась на свет пергаментная рукопись, известная под именем Лаврентьевской летописи? В приписке прямо говорится, что рукописная книга, «глаголемый Лѣтописецъ», писана князю великому Дмитрию Костянтиновичю» (Нижегородско-Суздальскому), а «по благословенью священнаго епископа Дионисья», и ниже: «при благовѣрном и христоролюбивом князи великом Дмитрии Костянтиновичи и при епископѣ *нашем*¹ христоролюбивѣм священномъ Дио[ни]сьѣ Суздальском и Новгородском и Городьском» (т. е. Городецком). Эпитет «священный» оттенял положение лица, принадлежащего к высшей церковной иерархии. Эпитеты при имени нижегородско-суздальского князя напоминают нам эпитеты, прилагавшиеся авторами тверских и московских литературных памятников к именам своих князей.

Нижегородско-Суздальское княжество образовалось в 1341 г. После Московского и Тверского это было едва ли не самое значительное княжество на Северо-Востоке. И Тверское и Нижегородско-Суздальское назывались «великими».

Возвышение Нижнего Новгорода связано с развитием торговли по водным путям, с процессом заселения края и т. п. О торговом значении Нижнего Новгорода имеется, как известно, ряд показаний; в частности находка летописного свода в рукописи первой половины XVI в. в Библиотеке им. Ленина с известием о Тарасе Петрове позволяет теперь с полным доверием относиться к сведениям об этом землевладельце и «большем госте» среди

¹ Курсив мой (здесь и в дальнейшем). — А. Н.

«гостей» Нижнего Новгорода времен Андрея Константиновича и Дмитрия Константиновича².

С начала 50-х годов XIV в. Нижний Новгород стал центром всего княжества. В 1352 г. вновь отстраивался Спасо-Преображенский собор³, при котором, как далее увидим, началось в Нижнем Новгороде местное летописание, местные летописные записи.

Сведения о Нижнем Новгороде первой половины XIII в. можно найти в тексте владимирского великокняжеского свода XIII в.⁴ Несколько разновременных известий о Нижнем Новгороде можно встретить в тексте Владимирского Полихрона и Троицкой летописи⁵. Но цепь местных нижегородских записей началась не ранее 1341 г. и не позднее 50-х годов XIV в. Запись о смерти Александра Васильевича под 6840 (1332) г.— не местная, как видно из сравнения ее с рядом записей о кончинах нижегородско-суздальских князей последующего времени. Запись под 6849 (1341) г., сохранившаяся в Рогожском летописце, о Константине Васильевиче, по всем признакам местного нижегородского происхождения, но она лишена точной даты и могла быть сделана позднее. В так называемом Нижегородском летописце цепь местных нижегородских известий также падает на вторую половину XIV в.; ей предпослано только два года значительно более раннего времени.

Теперь остановимся на вопросе, где же началось ведение летописных записей в Нижнем Новгороде? Дошедшие до нас летописные своды заставляют полагать, что велись они при древнейшем соборе в Нижнем Новгороде — соборе Спаса Преображения, который получил для Нижнего Новгорода значение, аналогичное тому, которое имели соборы: Троицы — для Пскова, Софии — для Новгорода, Успения богородицы — для Владимира, Успения богородицы — для Ростова и т. д. Приведем ряд записей, которые указывают на собор Спаса Преображения как на место, где они делались. Под 6855 г. читаем о том, что Константин Васильевич «слилъ колоколъ болши *святому Спасу*» (Рогожский летописец); под 6858 г.— о том, что Константин Васильевич «порушалъ церковь камену старую и ветшаную *святаго Спаса*, а новую заложилъ» (там же); под 6860 г.— о том, что князю

² См. А. Н. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания.— «Проблемы источниковедения», вып. VI, 1958, стр. 246—247.

³ См. Московско-Академическую летопись под 6860 г. (Издана вместе с Лаврентьевской).

⁴ Под 6729, 6733, 6736, 6737 гг. (см. Лаврентьевскую летопись и т. 25 ПСРЛ).

⁵ См. Новгородскую IV и Софийскую I летописи под 6813 г., а также Львовскую (о восстании «черни» в Нижнем Новгороде против бояр); см. Симеоновскую летопись и Софийскую I под 6819 г.

Борису привели из Литвы дочь Ольгерда «Огрофъну» и он венчался «въ Новѣгородѣ у святого Спаса мѣсяца ок[тября]» (там же); под 6863 г.— о смерти Константина Васильевича: «Того же лѣта в Филипово говѣние преставися князь Костянтинъ Васильевич[ь] Суждальскыи мѣсяца нояб[ря] 21, на Введение святыя Богородици, въ черныцѣхъ и въ скимѣ, и положенъ бысть въ церкви святого Спаса въ Новѣгородѣ въ Нижнем[ь]; а княжилъ лѣтъ 15...» и т. д. (там же, а также в выписках из Троицкой летописи Карамзина); под 6873 г. читаем такую же подробную запись о том, что 2 июня «в недѣлю пянгикостную» умер «благовѣрныи, христолубивыи, смиренныи» князь Андрей Константинович и «положенъ бысть въ церкви святого Спаса въ Новѣгородѣ въ Нижнем[ь], иде же бѣ и отець его князь Костянтинъ Васильевич[ь]» (там же; см. также в Троицкой по выпискам Карамзина); под 6880 г.— о том, что «у святого Спаса колоколь болшеи прозвонил самъ о себѣ трижды» (см. Симеоновскую летопись и др.); под 6885 (1377) г.— о погребении князя Ивана Дмитриевича «в церкви каменои святого Спаса въ притворѣ на правой сторонѣ, за недѣлю по Оспожинѣ дни (въ той же день, мѣсяца) августа въ 23» (см. Троицкую по выпискам Карамзина и Симеоновскую); под 6886 г.— о том, что (в день Бориса) татары «у святого Спаса иконы пожгоша и двери выжгоша иже чудно бѣша устроены дивно мѣдью золоченою» (из Троицкой по выпискам Карамзина); под 6889 г.— о том, что Дионисий прислал из Царьграда две иконы, из которых одна была поставлена «въ святомѣ Спасѣ въ Новѣгородѣ въ Нижнемѣ», а другая — в Суздале; под 6891 г.— о смерти Дмитрия Константиновича, 5 июля, в воскресенье, «въ 6 часъ дни», названного в монашестве Федором (а «в крещении» — Фомой), и «положенъ бысть въ своей отчинѣ въ Новѣгородѣ въ Нижнемѣ въ церкви каменнои въ святомѣ Спасѣ, на правой сторонѣ подлѣ отца своего князя Костянтина Васильевича и подлѣ брата своего князя Андрѣя, бывъ на великомѣ княжении два лѣта, а въ своей отчинѣ такоже на великомѣ княжении 19 лѣтъ, а живъ отъ рождества своего всѣхъ лѣтъ 61» (см. Троицкую по выпискам Карамзина, Симеоновскую и Рогожский летописец).

Таким образом, в самом материале обнаруживается место, где делались записи.

Но может быть, и в других местах в Нижнем Новгороде, кроме собора св. Спаса, были центры письменности и велись летописные записи? Ниже мы увидим, что есть данные для предположения, что таким другим центром был Печерский Нижегородский монастырь. Менее всего есть оснований думать, что «средоточием суздальско-нижегородского областного летописания» к тому времени, когда совершал свой труд «списатель» Лаврентий, был

Благовещенский монастырь. Нити известий этого времени со следами записи в Благовещенском монастыре мы не находим в дошедших до нас летописных сводах XV—XVI вв., отражавших местное областное летописание. О самом монастыре в известиях изучаемой эпохи встречаем только одно упоминание — он упомянут в качестве топографического ориентира: «оуползе много снѣгъ и оупаде з горы высокы и великы, еже надъ Волгою за святымъ Благовѣщениемъ, и засыпа и покры дворы и съ людми» (Рогожский, 6878 г.). Сведения о том, что митрополит Алексей построил в Нижнем церковь Благовещения, установил общее «житие», даровал монастырю «села», «воды» и «мѣста», находим не в отдельном известии, а в «Повести о митрополите Алексее», помещенной в Никоновской летописи, где сообщается также, что Алексей крестил сына у Бориса Константиновича в Нижнем Новгороде»⁶.

Если сравним это место «Повести» в Никоновской летописи с текстом жития Алексея (написанного Пахомием) в Синодальной рукописи № 556 на л. 148 и Синодальной № 948 на лл. 124 об.—125, то убедимся, что сведения «Повести» были почерпнуты из жития редакции Пахомия, который допустил большую неточность, как заметил еще Ключевский, так как Благовещенский монастырь существовал задолго до Алексея, и последний мог только восстановить или поддержать его⁷. Оба сообщения Никоновской летописи перешли и в Нижегородский летописец, составитель которого пользовался Никоновской летописью или источником, близким к ней, причем составитель Нижегородского летописца поместил эти данные под 6878 г.⁸ Чем он руководствовался, делая так? Думаю тем, что под 6878 г. в летописных сводах XV—XVI вв. отмечалось, что митрополит Алексей был тогда в Нижнем Новгороде, но о Благовещенском монастыре в них не сообщалось ничего. Сам факт построения митрополитом церкви в Благовещенском монастыре вполне вероятен, но показаний в пользу мнения, что там после этого «завелось летописание», нам найти не удалось.

Длительное подчинение страны татарам, проводившим определенную политику в завоеванной стране, и разорение целых областей не прошли даром. Само образование Нижегородско-Суздальского княжества совершилось не без участия Орды.

⁶ См. Никоновскую летопись под 6886 г.

⁷ См. В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 139. См. рукопись ГИМ, Синод. собр., № 948 и 556.

⁸ См., например, рукопись БАН, Строган. собр., № 38 и другие списки; см. также «Нижегородский летописец», изд. А. С. Гациского, Нижний Новгород, 1886, стр. 13.

События середины XIV в. обнаружили слабость и чрезвычайную неустойчивость политических и национальных связей в Северо-Восточной Руси, но показали вместе с тем и жизнеспособность народа. Пользуясь обстоятельствами, на русские земли наступала Литва. Начиная с 50-х годов XIV в. Литва захватила Брянск, Черниговщину, заняла Ржеву на верхней Волге, Торопец, наконец, подчинила себе Смоленское княжество. Одновременно она распространила свое влияние на Тверь и начала втягивать в сферу своей власти Нижний Новгород.

Нижегородский князь Борис Константинович, зять Ольгерда, находился под его покровительством. В одной из грамот, сохранившихся в греческом подлиннике, Ольгерд жалуется патриарху Филофею на митрополита Алексея и просит дать им «*другого митрополита на Киев, Смоленск, Малую Русь, Новосиль, Нижний Новгород*»⁹. Он жалуется, что москвичи «шурина его» Михаила Тверского, «клятвенно зазвав к себе, схватили»; и «зятя» его «нижегородского князя Бориса схватили и княжество у него отняли».

События, о которых он пишет и достоверность которых подтверждается русскими источниками, как раз сопутствовали повороту в Северо-Восточной Руси к политическому и национальному объединению. Москва набирала силы и начала приводить «в свою волю» князей. Примерно с середины 60-х годов XIV в. началось движение в сторону консолидации политических и национальных сил.

Первой мерой московского правительства, направленной против Бориса Константиновича Нижегородского, было изъятие территории Нижнего Новгорода и Городца из пределов суздальской епархии (и подчинение непосредственно митрополиту). А затем Дмитрий Константинович Суздальский, отказавшись от претензий на великокняжеский владимирский стол, получил поддержку Москвы против Бориса Константиновича, и этот последний принужден был удалиться в Городец, предоставив нижегородский стол Дмитрию Константиновичу. Это означало, что Нижний Новгород отказывался от литовской ориентации и во внешней политике следовал Москве. Во второй половине 70-х годов (1375—1377 гг.) Нижний Новгород, что весьма важно, включился в общую с Москвой борьбу с Мамаем, о чем нам приходилось писать в своем месте¹⁰. Известно и о подготовительных мероприятиях. Так, в 1372 г. Константин Дмитриевич обносил город каменными укреплениями, следуя примеру Москвы. А в 1374 г. была восстановлена нижегородско-городецко-суздальская епис-

⁹ См. РИБ, VI, Приложения, стр. 140.

¹⁰ См. А. Н. Насонов. Монголы и Русь. М.—Л., 1940, стр. 125—126.

копия. Новая волна смут в Орде (в 1373—1375 гг.) благоприятствовала первым шагам открытого сопротивления татарам.

То были первые шаги открытой национально-освободительной борьбы, открытого сопротивления Мамаю, когда Нижний Новгород выступал совместно с Москвой. Оживилась надежда на освобождение и усилился интерес к прошлому. В руководящей среде Нижегородско-Суздальского княжества в этих условиях легко могло возникнуть желание иметь не только местные записи о событиях, но и великокняжеский нижегородско-суздальский летописный свод или местную летопись с общерусской летописной традицией в основе.

На восстановленную нижегородско-городецко-суздальскую кафедру поставили Дионисия, архимандрита Нижегородского Печерского монастыря: монастырь этот был его детищем. Дионисий сразу же стал предметом внимания летописных записей. Запись о поставлении «архимандрита Печорскаго манастыря, именемъ Дионисья», местного происхождения. Помещенная в Троицкой летописи перед записью о том, что нижегородцы побили мамаевых послов, она содержала пространное перечисление добродетелей Дионисия, которое начиналось так: «мужа тиха, кротка, смиръна, премудра и разумна, промышлена же и разумна, изящена въ божественныхъ писанияхъ и учительна и книгамъ сказателя, манастыремъ състроителя и мнишьскому житию наставника...» и т. д.¹¹ Запись эта была сделана или в соборе Спаса, или, вернее, в Печерском монастыре. В ней Дионисий выставлен как ученый — толкователь («сказатель») рукописных «книг» и подчеркнута его роль как руководителя монастырской жизни; в этой сфере, судя по сохранившейся грамоте его Снетогорскому монастырю он отстаивал принцип, согласно которому «мнихом ничто же подобаетъ своего имѣти, но все свое предати монастырю въ власть»¹².

А под 6883 г. отмечено, что «на владычном дворе» в Нижнем Новгороде в Дионисия была пущена татаринном Сараиком стрела, но она «коснуся перьемъ епископа токмо в скраи подола криль манатыи его». Дионисий упомянут и под 6886 г., где перед известием о приходе на Нижний татар вставлено в той же Троицкой летописи целое литературное произведение, посвященное памяти умершей вдовы князя Андрея Константиновича — Василисе, которое начинается так: «Не зазрите же ми грубости, еже мало нѣчто изорку, въспоминая сию княгиню Василису...» и т. д. Приводится ее биография, говорится, что она была «от града Тфѣри», что родилась в 6839 г., что еще «отроковицей» «изучена

¹¹ См. Симеоновскую и реконструкцию Троицкой под 6882 г.

¹² См. РИБ, VI, стр. 206—207.

бысть грамоте» и т. д. Через 4 года после смерти мужа она «пострижена бысть от Дионисья, архимандрита печерскаго...» Жизнеописание свидетельствует, что в Нижнем Новгороде были люди, обладавшие известным литературным навыком. Наконец, под 6890 г., перед известием о приезде из Царьграда Дионисия (6 января 1383 г.), который «исправиль себѣ» «архиепископью» (т. е. повышение в ранге нижегородско-городецко-суздальской кафедры), мы читаем следующую запись, по происхождению своему явно печерскую: «Тое же зимы мѣсяца генваря въ 1 день, на память святого отца нашего Василиа, преставися рабъ божи Павель Высокий, *чернецъ печерскыи, книжныи*, грамотныи и чюдныи старецъ, поживъ добрымъ житиемъ чистымъ, святымъ, и положень бысть въ Печерскомъ монастыри честно, и вся братна о немъ плакашася, яко и *самому Дионисию* прослезити по немъ»¹³.

Как правильно полагают, труд Лаврентия был вызван желанием местного правительства получить материал для составления большого летописного свода¹⁴. Надо было получить тот великокняжеский летописный материал, который, положенный в основание нового свода, позволил бы продолжить в Нижнем Новгороде великокняжескую летописную традицию. Иными словами, надо было «для великого князя Дмитрия Константиновича» снять копию с хранившегося во Владимире древнего великокняжеского свода. Для этого Дионисий должен был кого-то из монахов «благословить» на это дело.

Естественно думать, что выбор Дионисия остановился на одном из монахов своего монастыря — Нижегородского Печерского — и что «книжный писатель» Лаврентий «мнихъ», начавший «по благословению» епископа Дионисия «писати» свою рукопись, был из монахов монастыря Дионисия. Его учителем мог быть тот Павел Высокий, «чюдныи старецъ», о «книжности» которого говорит печерская запись.

Если полагать, что Лаврентий в своей записи придерживался мартовского стиля, что более чем вероятно, то тогда его труд был окончен 20 марта 1377 г.

Вскоре произошли непредвиденные события: 2 августа того же года соединенная московская и суздальско-нижегородская рать за р. Пьяной подверглась позорному разгрому от мамаявых татар. Татары затем ринулись к Нижнему Новгороду. Часть нижегородцев — «горожан» — бросилась искать спасения в «су-

¹³ См. Симеоновскую летопись и реконструкцию Троицкой под 6890 г.

¹⁴ См. М. Д. Приселков. История рукописи Лаврентьевской летописи и ее изданий. — «Уч. зап. Ленинградского гос. педагогического ин-та им. Герцена», т. XIX, Л., 1939.

дах», чтобы уплыть вверх по Волге. Нижний Новгород подвергся страшному разорению. Оставшееся население города было перебито. Весь город был сожжен; сожжены были также и церкви (всего «изгорѣло» 32 церкви «въ градѣ») и монастыри. Уходя, татары опустошили и нижегородские «волости», сжигая «села», убивая людей и захватывая «полон».

Само собою разумеется, что все это могло приостановить начатую работу по составлению нижегородского или нижегородско-суздальского летописного свода.

К тому же со смертью митрополита Алексея (12 февраля 1378 г.) началась борьба за митрополичью кафедру — то «мятежное время», о котором впоследствии вспоминал Киприан. Обстановка осложнилась с 1376 г., когда Киприан еще при жизни Алексея был поставлен в Царьграде «митрополитом». Уже в 1377 г. или в начале 1378 г. московский князь Дмитрий Иванович стал выдвигать кандидатуру Митяя в качестве преемника Алексея. Алексей же хотел, чтобы после него поставили Сергия Радонежского, но последний не соглашался. Дионисий выступил как решительный противник Митяя и был единственным из епископов, который не побоялся не подчиниться Митяю. Он пытался воздействовать на московского князя, но был арестован; затем, освободившись из-под ареста, уехал в Нижний Новгород, а оттуда на Сарай — в Царьград. Это было в 1379 г. Есть сведения, что он писал в Царьград и был туда вызван патриархом. Только в начале 1383 г. он вернулся¹⁵⁻¹⁶, но вскоре опять уехал в Царьград и более не возвращался. Все эти события должны были отвлечь Дионисия от начатого дела по составлению летописного свода, если, действительно, такая задача стояла. Так или иначе, но копия, снятая Лаврентием, оставалась во Владимире.

На лицевой стороне первого листа этой рукописи, «покрытой какою-то черною массой с зеленоватыми пятнами», сохранилась следующая надпись XVI или начала XVII в.: «Книга Рождественсково монастыря Володимерьскаго». Когда А. И. Бычков, определявший время «надписи», описывал рукопись, в 40-х годах прошлого века, «надпись» должна была быть несколько лучше видна, чем теперь¹⁷. Показание о принадлежности рукописи Владимирскому Рождественскому монастырю и само содержание летописного свода склоняют к мнению, что Лаврентий писал

¹⁵⁻¹⁶ К этому времени относится его грамота псковскому Снеготорскому монастырю о правилах общежития (см. РИБ, т. VI, № 24).

¹⁷ См. рукописный «Каталог церковнославянских и русских рукописей», отд. IV, в Публичной б-ке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина; ср. рукопись и Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку (фототипич. издание 1872 г.)

во Владимире; с этим согласуются сведения о Рождественском монастыре XIII—XIV вв., о чем будем говорить ниже.

Основная часть рукописи была написана самим Лаврентием: она писана полууставом той же рукою, как и его запись в конце рукописи; его почерк начинается на обороте 40-го листа¹⁸. Значительные пропуски текста в трех местах (после лл. 9, 169 и 170) объясняют утерей листов из рукописи Лаврентия. Существует мнение, что последний пропуск был уже в «ветшаном» оригинале Лаврентия¹⁹. Однако с таким мнением не согласуются как будто следующие показания. Во-первых, на л. 171 текст после пропуска начинается, как и в двух других аналогичных случаях, с начала страницы и даже с полуслова. Во-вторых, — и это главное — лл. 170 и 171 нарушают закономерное чередование вдавленных и выпуклых линий разлиновки²⁰.

Какова же была роль самого Лаврентия и его помощников при работе над дошедшей до нас рукописью со сводом 1305 г.? Были ли они только копиистами, бережно относившимися к тексту своего оригинала, или же взяли на себя роль редакторов? Шахматов оставлял вопрос не решенным. «Эта летопись, — писал он о Лаврентьевской летописи, — составлена или только переписана с готового оригинала»²¹. «Лаврентьевская летопись, составленная в 1377 г., — читаем в «Новом энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона» — ...положила в свое основание ростовскую княжескую летопись XIII в., ...в части же от 1240 г. до конца (до 1305 г.) она представляет извлечение из общерусского свода...». Наконец, в одном из последних больших трудов по летописанию — «Повести временных лет» (т. I, 1916 г.) — он опять пишет, что летопись «названа так по имени монаха Лаврентия, переписавшего или составившего ее» (стр. LI). Значительный шаг вперед в разъяснении вопроса сделал М. Д. Приселков. Он

¹⁸ Начало же рукописи написано другими чернилами и другим, более крупным, уставным почерком и, по-видимому, другою рукою, но, возможно, писцом той же школы. Кроме того, небольшую помощь оказал Лаврентию второй помощник, писавший тоже уставом на лл. 157, 161 об. и 167, с пробелами в конце страниц.

¹⁹ См. М. Д. Приселков. История рукописи..., стр. 194.

²⁰ Начиная с л. 41—41 об., откуда писано в два столбца и видна разлиновка, наблюдаем определенное чередование вдавленных и выпуклых линий разлиновки в следующем порядке: — — + + — — + + и т. д. Этот порядок показывает, что Лаврентий после разлиновки разрезывал лист пополам, складывал обе половины и вкладывал одну в другую. Листы 171 и 170, следующие за пропусками текста, нарушают это чередование. Чередование нарушается также на лл. 158 и 162, где вторгается другой почерк (А. И. Бычков предполагал, что эти листы вклеены). Кроме того, чередование нарушается только на лл. 61—62; причина последнего мне неясна.

²¹ См. А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., М.—Л., 1938, стр. 9.

показал, что общерусского не княжеского свода начала XIV в. не существовало, объяснил состав заключительной части Лаврентьевской летописи как великокняжеского владимирского свода и полагал, что Лаврентий снимал только *копию* со своего оригинала²². Свое мнение Приселков подтвердил рядом показаний, в частности — многочисленными недописками, т. е. оставленными в рукописном тексте пустыми местами там, где в оригинале нельзя было прочесть из-за его ветхости: «занеже книги ветшаны», как свидетельствовал сам Лаврентий²³.

В настоящее время благодаря научно-популярным изданиям получило широкое распространение мнение В. Л. Комаровича о том, как работал Лаврентий. Комарович полагал, что Лаврентий писал свою рукопись для обоснования претензий учредить вместо епископии архиепископию, как документ, необходимый Дионисию для переговоров с патриархом в Царьграде. Лаврентий, по мнению Комаровича, отнюдь не был только копиистом. «Авторский вклад» Лаврентия, по выражению Комаровича, заключался, во-первых, в том, что Лаврентий будто бы изменил текст рассказа о Батыевом нашествии: выбросил подробный рассказ о рязанских событиях, а также эпизод с Дорожем, и внес некоторые более мелкие изменения; в его оригинале эти подробности и эпизоды были. Этот последний вывод Комаровича основывается на том, что будто бы в Троицкой летописи они имелись и из дошедших до нас летописей имеются в Воскресенской летописи. Во-вторых, Лаврентий сам написал некролог с характеристикой Юрия Всеволодовича, убитого при р. Сити, поместив его под 1239 г. «Похвалы» Юрию в оригинале, согласно утверждению Комаровича, не было, не было ее, как он думает, и в Троицкой летописи, которая передавала оригинал Лаврентия, т. е. текст, в том виде, как он читался до Лаврентия. Кроме того, Комарович подтверждает свое мнение соображениями, основанными на убеждении, что Лаврентий происходил из монахов Благовещенского монастыря²⁴.

Комарович был прав только в том смысле, что Троицкая летопись действительно отражала в значительной мере оригинал Лаврентия, т. е. свод 1305 г.; ее текст помог бы судить о том, что читалось в оригинале Лаврентия, и следует ли считать сокращения и добавления, которые находим в Лаврентьевской по сравнению с Воскресенской летописью, авторским вкладом самого Лаврентия. Но рассказ 1237—1239 гг. в Троицкой совпадал не с Воскресенской, а с Лаврентьевской. Доказано, что текст Троицкой в общем близок к Симеоновской в данной части до 1390 г., за исключением мест (в Симеоновской), взятых из Мос-

²² См. М. Д. Приселков. Летописец 1305 г.—Ист. сб. «Века», 1924.

²³ См. М. Д. Приселков. История рукописи..., стр. 186—187.

²⁴ См. «История русской литературы», т. II, ч. I, М.—Л., 1946, стр. 88—96.

ковского свода XV в. Если извлечь из Симеоновской добавления, взятые из Московского свода XV в., то получим текст, совпадавший с Троицкой и с Лаврентьевской. Подтверждается это и выписками Карамзина. Читалась в Троицкой и похвала Юрию под 1239 г. Совпадение Троицкой с Лаврентьевской видно из реконструкции М. Д. Приселкова. Тем самым решается вопрос и о мнимом «авторском вкладе» Лаврентия, во всяком случае, в смысле авторских добавлений под 1239 г.

Однако на нас ложится обязанность объяснить, откуда же попали в Воскресенскую летопись те конкретные данные о событиях 1237—1238 гг., которых нет в Лаврентьевской, и по-видимому, не было в своде 1305 г. — оригинале Лаврентия?

Текст рассказа о Батыевом нашествии, дошедший до нас в Воскресенской летописи, с начала (т. е. от слов «Тоя же зимы приидоша отъ восточныя страны на Рязаньскую землю лѣсом безбожнии Татарове со царем [ихъ] Батыем...») до конца (т. е. до слов «Батыи же взем Козелескъ и поиде в землю Половецкую») почти слово в слово совпадает с соответствующим текстом Эрмитажного списка № 416^б и Уваровской летописи № 1366, иными словами — Московского свода 1479 г. При этом обнаруживается особенная близость рассказа Воскресенской летописи именно к Эрмитажному списку: ряд мест, отсутствующих в Уваровской и сохранившихся в Эрмитажном списке, находим также в Воскресенской летописи. Так, в Эрмитажном и в Воскресенской читаем: «а Жирославу Михайловичу приказа» (Эрм., стр. 374); а в Уваровской нет «Михайловичу». В Эрмитажном и Воскресенской: «...Всеволодъ же и Мстиславъ стояста на Золотых (Златых) воротех» (Эрм., стр. 375); а в Уваровской нет слов «на Златых». В Эрмитажном и Воскресенской: «к[о] Орининым воротам и к Медянымъ, а отсюда от Клязмы к[о] Во[л]жским воротам» (Эрм., стр. 376); фраза от слов «а отсюда» в Уваровской отсутствует. В Эрмитажном и Воскресенской: «и княгини Юрья (Юрьева) с[о] дщерью и со снохами и с внучаты, прочи[и] княгини и множ[е]ство бояръ и людеи» (Эрм., стр. 376); фразы, начиная от слов «с внучаты», в Уваровской нет. Ниже, в Эрмитажном и Воскресенской: «с Васильком и [со] Всеволодом и с Володимером и с мужи своими» (Эрм., стр. 378); в Уваровской этой фразы нет. Далее, при перечислении убитых в Торжке в Уваровской опущены слова «Глѣбъ Борисовичъ», упомянутые в Воскресенской и в Эрмитажном (Эрм., стр. 381).

Итак, текст Воскресенской летописи восходит в данном случае к Московскому своду 1479 г.

Откуда же заимствован рассказ о нашествии Батыя Московского свода 1479 г.? Нетрудно убедиться, что он взят из Софийской I летописи, извлечения из которой в значительном количестве заполняют текст Московского свода.

Весь сложный составной текст Московского свода, содержащий рассказ о Батыевом нашествии, восходит целиком к Софийской I летописи. При сравнении с Софийской I Московского свода находим в последнем только ряд пропусков, сокращений. Так, опущены слова «отъ Нухлѣ»; ниже опущено от слов «яко же речено бысть...» до слов «...на ня прежде васъ». Далее, от слов «И хто, братие, о семь не плачется...» до слов «...о ненависти братии». Ниже, от слов «Се створися зло...» до слов «...на преднее възвратимся»; затем слова «не жали себя и жены и дѣтеи»; от слов «Сего бо блаженаго Василька...» до слов «...совокупилъ богъ телеса ихъ», затем слова «на ловѣхъ вазнивъ». Далее опущено от слов «Бѣ бо всему хитръ...» до слов «...и дѣднѣ» и от слов «не не предаи...» до слов «...отъ насъ»; и ниже от слов «И святыи Софея...» до слов «...и не плачется»; от слов «Увѣдавше же окааннии...» до слов «прияти града» и слова: «И нападше на полки ихъ».

Подобного рода сокращения использованных источников, как мы показали в предыдущем исследовании²⁵, можно наблюдать в тексте Московского свода 1479 г. на значительном протяжении.

Перейдем к еще более раннему этапу литературной истории рассказа о Батыевом нашествии. Оказывается, что в Софийской I летописи текст составлен из трех источников: первого, близкого к Лаврентьевской летописи; второго, близкого к Новгородской I, причем есть признаки, сближающие его с Комиссионным списком; и третьего — южнорусского.

Первая фраза, от слов «Того же лѣта...» до слов «...безбожнии Татарове» — из источника, аналогичного Лаврентьевской; далее составитель рассказа прибавил от себя слова «со царемъ Батыемъ» — прибавление явно сравнительно позднее, так как Батый па Руси «царемъ» не именовался и Лаврентьевская летопись его нигде так не называет²⁶. Затем, от слов «И пришедше, сташа первое станомъ...» до слов «...къ Юрию в Володимеръ» заимствовано из Новгородской I летописи. Фразы от слов «десятое в бѣлыхъ...» до слов «въ пѣгыхъ» нет полностью в Синодальном списке, но она имеется в Комиссионном списке Новгородской I летописи. Далее, от слов «И начаша...» до слов «...до Проньска» взято из источника, близкого к Лаврентьевской. Оттуда же взято от слов «Много же святыхъ церквей...» до слов «... на Коломну».

Таким образом, комбинируя оба источника, составитель пытался дать наиболее полный, связный и исчерпывающий рассказ, что явствует и из анализа дальнейшего изложения.

²⁵ См. «Проблемы источниковедения», вып. IX, стр. 350.

²⁶ Подробнее об этом см.: А. Н. Насонов. Монголы и Русь, стр. 30.

От слов «И хто, братие, о семъ не плачется...» до слов «...о ненависти братии» почерпнуто из Новгородской I; а далее, от слов «Тое же зимы поиде...» до слов «...противу татаромъ» взято из источника, близкого к Лаврентьевской. Затем, от слов «Князь же Юрьи...» до слова «Еремѣя» — из Новгородской I; а от слов «А Всеволодъ въ малѣ дружинѣ...» до слов «...Жирославу Михайловичю» — из Лаврентьевской. Затем фраза «тогда приидоша множество кровопроливецъ христьянскихъ» — из Новгородской I, а начиная от слов «къ Володимерю, мѣсяца февраля...» составитель следует Лаврентьевской летописи. Фраза от слов «И бысть на утрия» до слов «...владыки Митрофана» — опять из Новгородской I, а от слов «в недѣлю мясопустную...» до конца года (до слов «азъ единъ») — из Лаврентьевской. Однако в текст вкраплены слова и фразы, почерпнутые из Новгородской I летописи, а именно: слова «и наволочивше лѣса»; «и изътхошася», и фраза от слов «Юрьевъ, Дмитровъ...» до слова «...убиша».

Под 6746 г. с начала, от слов «князь же Юрьи посла Дорожа», и кончая словами «...на всеи Руской земли, и не плачется», текст Софийской I летописи представляет собою также комбинацию извлечений из Новгородской I и Лаврентьевской. Мы не будем утомлять читателя указаниями на происхождение отдельных составных частей этого текста под 6746 г., отметим только, что из Новгородской I летописи заимствован рассказ о взятии Торжка, и остановимся на вставках, которые сделаны самим составителем комбинированного текста. Эти вставки не носят на себе никаких следов конкретного материала и свидетельствуют о сделанных дополнениях в интересах риторики или с целью поучения. Таковы места от слов «И весь разливашеся слезами...» до слов «...твоему милосердию»; ниже — от слов «И видяще се, възлюбленнии, суету жития челоуѣча...» до слов «...грѣхи и покаемся; и, наконец, от слов «И тако скончашася судомъ божиимъ...» до слов «..ради языка».

Рассказ о Батыевом нашествии под 6746 г. в Софийской I летописи завершается эпизодом взятия Козельска. Эта часть взята целиком из южнорусской летописи. От слов: «И прииде къ городу Козельску...» до слов «... поиде в землю Половецку» текст Софийской I совпадает с соответствующим текстом Ипатьевской летописи.

Итак, летописная традиция о Батыевом нашествии в сводах XV века и в Воскресенской летописи восходит к трем первоначальным источникам: 1) владими́ро-ростовской, сохранившейся в Лаврентьевской летописи, 2) новгородской, сохранившейся в Новгородской I летописи младшего и (не полностью) старшего изводов, и 3) южнорусской, сохранившейся в Ипатьевской летописи. Таковы три первоначальные летописные традиции в изображении этих событий: северо-восточная, южная и северная.

Теперь уместно поставить вопрос, насколько самостоятельны традиции северо-восточная и северная, содержащая интересующий нас материал, отсутствующий в Лаврентьевской летописи, как-то: подробности рязанские, сведения о Дороже и т. п. Что дает внутренний сравнительный анализ этих двух традиций?

Начальная часть рассказа Новгородской I летописи, касающаяся событий в Рязани и взятии Коломны, носит следы рязанского происхождения. То, что изложение начинается с этих событий, конечно, не является указанием на рязанский источник. Путь Батыя по Руси начинался с Рязанской земли; и рассказ, например, Рашид-ад-дина о походе Батыя на русский Северо-Восток тоже начинается со взятия Рязани и Коломны. Но в Новгородской I летописи имеем ряд показаний на рязанский источник: таковы географические данные («сташа о Нузлѣ и взяша ю и сташа станомъ ту»; «пустиша о Нухлѣ татары в Воронажи»), подробности о татарском посольстве в Рязань («жену чародѣицу и два мужа с нею, къ княземъ рязаньскимъ»), сведения о требовании десятины («...просяче у нихъ десятины во всемъ: и в людехъ и въ князехъ...» и т. д.), перечисление рязанских князей, сообщение об участии рязанского князя Романа в битве под Коломной. Всего этого в Лаврентьевской летописи нет. О составителе рассказа Новгородской I летописи допустимо предполагать, что он пользовался письменным рязанским источником. Комарович, предполагая рязанский летописный источник, обратил внимание на определение Георгия по Ингвару: «Инъгворовъ братъ» и сопоставил эти слова с фразой под 6726 г.: «Ингворъ же не приспѣ приехати к нимъ: ни бе бо приспело врѣмя его». Оговоримся, что все приведенные Комаровичем данные позволяют предполагать только существование местных рязанских летописных записей и повестей, но еще не доказывают существования рязанских летописных сводов, т. е. больших, сложных летописных памятников, соединявших известия *разного происхождения* ²⁷.

Исследуемая часть Новгородской I летописи не могла быть в составе ростово-суздальского (точнее — владими́ро-ростовского) летописного памятника: в ней мы не найдем ничего о взятии Москвы при изложении завоевательного продвижения татар (только значительно ниже Москва упомянута лишь при перечислении захваченных городов), но зато с насмешкой сказано о позорном поведении москвичей: «москвичи же [побѣгоша] ничего же не видѣвше» ²⁸; а в поведении Юрия подчеркнута огрица-

²⁷ Вопрос о существовании рязанских сводов остается открытым; возможно, они и были.

²⁸ См. Новгородскую I летопись.

тельная черта: «ни послуша князии рязаньскихъ молбы, но самъ хотѣ особъ брань створити».

Вместе с тем соответствующая часть рассказа Лаврентьевской летописи не содержит никаких следов, которые бы говорили, что текст этот явился в результате сокращения рассказа Новгородской I летописи. Те сравнительно немногие конкретные черты, которые содержит эта часть рассказа Лаврентьевской летописи, отсутствуют в Новгородской I летописи: о том, что татары шли «лѣсом», о том, что была взята территория «до Проньска»; о том, что пленных «овы растинахуть, другыя же стрѣлами растрѣляху в ня, а ини опаки руцѣ связывахуть»²⁹; об участии Всеволода в битве под Коломной. А в Лаврентьевской нет о том, что отступали «к надолобомъ», точных дат и т. п. Не встречаем и бесспорно общих обеим летописям мест.

Далее, в Новгородской I летописи после слов «Но на предлежащая възвратимся» уже не видно следов источников рязанского происхождения. Об осаде Владимира здесь рассказано коротко, причем сообщено о фактах, которые известны и из Лаврентьевской, но рассказ иной, с другими деталями³⁰.

А в Лаврентьевской читаем подробнейший рассказ, составленный владимирским патриотом, об осаде и взятии г. Владимира и о последующих событиях, где владимирский материал сочетается с ростовским. Составитель рассказа Новгородской I летописи пользовался в сообщениях о последующих событиях, происходивших в северной части Ростово-Суздальской земли, тоже каким-то своим источником, может быть устным (что устными источниками он пользовался, явствует из его же слов, относящихся к обстоятельствам смерти Юрия: «богъ же вѣсть како скончася: много бо глаголють о немъ инии»). Так, еще в предыдущей части рассказа, по Лаврентьевской, Юрий (до осады Владимира) из Владимира «ѣха на Волгу и ста на Сити станом», а по Новгородской I летописи, до осады Владимира он «бѣжа на Ярославль». По Новгородской I летописи, «инии же» татары (по смыслу рассказа во время осады) погнались за Юрием «на Ярославль». В Лаврентьевской этого нет, но среди городов, по направлению к которым рассыпались татары, упоминается и Ярославль. По Новгородской I Юрий (по смыслу рассказа, из Ярославля или из тех мест) послал Дорожа на разведку с 3000 воинов, и Дорож прибежал и доложил князю, что татары уже «обошли» их.

²⁹ Эта фраза могла быть литературного происхождения (ср. Лаврентьевскую летопись под 941 г.).

³⁰ Так, в Лаврентьевской нет о том, что постригались в Успенском соборе «добрыи мужи и жены»; о том, что прятались «в полатѣхъ, т. е. в церковной ризнице или на хорах, что татары поджигали «наволкше лѣса»; заметно расхождение в датировке.

Юрий стал «полкъ ставити около себе», но внезапно подошли татары, и князь, «неуспѣвъ ничто же, побѣже»; погиб он на р. Сити, где его настигли татары. По Лаврентьевской летописи, татары, взяв Владимир, пошли «на великого князя Георгия» (по смыслу изложения — к р. Сити). Ниже сообщается, что Юрий узнает о катастрофе, происшедшей во Владимире, и приведены его слова и молитвы, и затем опять читаем: «И поидоша безбожнии татарове на Сить противу великому князю Гюргю». Таким образом, о пребывании его в Ярославле и о Дороже ничего не говорится. Но зато Лаврентьевская сообщает немало сведений, которых нет в Новгородской I.

Подобная характеристика-некролог Юрия, помещенная в Лаврентьевской под 1239 г., в Новгородской I, конечно, отсутствует. Она составлена в духе владимирской летописной традиции, если правильны наблюдения, что она перекликается с летописными статьями о Борисе и Глебе, о Владимире Мономахе и Андрее Боголюбском. Она могла быть написана в одном из владимирских монастырей, где имели основание особенно чтить память Юрия Всеволодича, о чем будем говорить ниже. Во всяком случае, как показывает Симеоновская летопись, этот некролог был в Троицкой летописи и, следовательно, в оригинале Лаврентия — своде 1305 г.³¹

Как мы показали выше, имеет под собою основание предположение, что работа Лаврентия имела в виду составление в дальнейшем местного нижегородско-суздальского свода или, может быть, даже местной летописи, но с общерусской летописной традицией в основе. Такое предположение подтверждается общими условиями, сложившимися к началу 1377 г. в Нижнем Новгороде, и тем, что к тому же источнику (к своду 1305 г.) обратились и в Твери и в Москве. Менее вероятно, что труд Лаврентия преследовал только узкоцерковные интересы. Для доказательств права на архиепископию потребовалась бы, вероятно, летопись, переходившая за 1305 г., так как в начале XIV в. еще не существовало ни Нижегородско-Суздальского княжества, ни Нижегородско-суздальской епископии. К тому же не следует забывать, что в записи Лаврентия прямо сказано, что начал писать он рукописную книгу «князю великому Дмитрию Костянтиновичю».

Был ли составлен нижегородский или нижегородско-суздальский летописный *свод*, в основании которого лежал великокняжеский владимирский свод 1305 г.? Вопрос этот приходится оставить открытым, и нет уверенности в том, что замысел великого

³¹ См. А. А. Шахматов. Симеоновская летопись XVI в. и Троицкая начала XV. СПб., 1910 (оттиск из «Известия ОРЯС Академии наук», т. V, 1910, кн. 2).

князя Дмитрия Константиновича и Дионисия получил осуществление. Без сомнения, местным нижегородским летописным материалом пользовались, привлекали его в других крупных центрах страны. Так, доказано, что нижегородские или нижегородско-суздальские записи (от 6849 или от 6851 г. до 6883 г.) использовал составитель тверского летописного свода около середины XV в.³² Еще ранее нижегородские записи были в распоряжении составителя Владимирского Полихрона³³. Еще ранее, в 1408—1409 гг., нижегородский или нижегородско-суздальский материал второй половины XIV в. получил в свое распоряжение составитель первого митрополичьего свода³⁴. Но, к сожалению, пока нет возможности выяснить, был ли в обороте какой-либо нижегородский летописный свод (подобный тверскому или митрополичьему); или же во Владимир или в Москву и в Тверь присылали только материал церковных и монастырских записей. Напомним к тому же, что уже в 1392 г. пришел конец нижегородской самостоятельности, и Нижний Новгород вошел в состав московского домена.

Не даст ли ответ на наш вопрос так называемый Нижегородский летописец?

Последнее издание его принадлежит А. С. Гацискому; ряд списков остался ему неизвестным. Сравнение печатного издания с неопубликованными списками показывает, что существовал общий протограф XVII в., в котором были соединены два комплекса известий (из двух источников?): один — кончая 6930 г. с припиской и о том, что оползла гора и засыпала в слободе 150 дворов, и о «старом городке», а другой — начиная с 7017 г., с известия о присылке Петра Фрязина. Не знаем, имеется ли в виду в приписке оползень 1369/70 г. или новый. Во всяком случае, гибель 150 дворов была памятна в Нижнем Новгороде, судя по записи, сохранившейся в рукописи собр. Егорова № 1289, на л. 129 об.

Для нашей темы необходимо остановиться на первом комплексе известий и выяснить, не включает ли он признаки пользования нижегородским или нижегородско-суздальским летописным *сводом* XIV в.? На наш взгляд, есть основание думать, что вся компиляция или, вернее, первый комплекс был составлен не без участия клириков соборной церкви арх. Михаила.

³² См. «Летописные памятники Тверского княжества». — ИОГН, 1930, № 9, стр. 734—735 и др.

³³ См. Софийскую I летопись и Новгородскую IV; А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. — ЖМНП, 1900—1901 г.

³⁴ См. М. Д. Приселков. Троицкая летопись. М.—Л., 1950; ср. его же. История рукописи..., стр. 191.

В первом же известии о построении г. Нижнего Юрием Всеволодовичем в Нижегородском летописце, где вместо 6729 г. указан 6720 г., прибавлено, что Юрий поставил церковь «соборную архистратига Михаила деревянную» и с припиской, что владели «тою землею погании мордва». А под следующим, 6735 г., — Юрий будто бы заложил церковь «каменную» архистратига Михаила, а «поганскую мордву отгнал от града». Ниже даются сведения о Константине Васильевиче, который назван Константином Юрьевичем. О построении Юрием церкви Спаса не говорится ничего. А постройка (вернее — перестройка) этой церкви Константином Васильевичем в 6858 г. приписана Константину Юрьевичу и отнесена к 6760 г. с прибавлением, вероятно, местного предания, что в ту церковь был им из Суздаля перенесен «образ Спаса нерукотвореннаго».

Церковь арх. Михаила была построена, согласно данным Никоновской летописи, в 6867 (1359) г.; в XVII в., в 1630—1631 (или 1620) гг., собор перестраивался. Думаем, что начальная часть Нижегородского летописца представляет собою малоискусную позднейшую компиляцию, содержание которой подсказано отчасти желанием возвеличить собор Михаила и, вопреки сведениям существовавших летописей, приписать ему наибольшую по сравнению с другими нижегородскими церквями древность³⁵. Ниже, под 6867 г., в том же Нижегородском летописце имеется известие о построении Андреем Константиновичем церкви каменной арх. Михаила, взятое из источника, близкого к Никоновской летописи, но с прибавлением слов «близ двора своего». А под 6918 г. от слов «В Нижнем градѣ в соборной церкви [архи]стратига Михаила положены...» до слов «...великая княгиня Ирина» читаем список похороненных в соборе арх. Михаила князей.

После 6760 г. в Нижегородском летописце идет 6811 г. и следует ряд *нижегородских* известий до 6930 г., как мы говорили. Нетрудно заметить, что основным источником служила какая-то летопись, близкая к Никоновской. Так, текст под 6811 г. близок к Никоновской под 6886 г.; обширный текст под 6825 г. близок к Никоновской под 6885 г. (с прибавлением о Семене Дмитриевиче, тело которого положено «у полуденных дверей на правой странѣ»); известию 6862 г. соответствует 6863 г. Никоновской; известию 6867 г. — известие 6867 г.; известию 6876 г. — 6873 г.; но сообщение, что князь Борис Константинович велел ров копать, где «быть каменной городской стѣнѣ и башням», находим в

³⁵ В самом соборе видны были подписи близ входной двери, по содержанию близкие к приведенным известиям Нижегородского летописца, о построении собора Юрием и с аналогичными приписками о «поганой мордве» (см. Нижегородский летописец, стр. 131, примечание).

Рогожском летописце — «заложи городъ сыпати» — среди группы нижегородских известий. А в рассказе об Арапше и князе Борисе Константиновиче, по-видимому, излагается событие 6875 г., но вместо Булат-Темира назван Арапша. Далее, известие 6875 г. Нижегородского летописца находим в Никоновской летописи и других под 6895 г. А в рассказе под 6878 г. соединены сообщения Никоновской под 6886 г. (из «Повести» об Алексее) с известиями 6878 г., имеющимися частью в Рогожском летописце, а частью в Софийской I летописи. Под 6879 г. текст близок к тексту Никоновской под 6873 г.; а рассказ о госте Тарасе Петрове, как я упоминал, обнаружен мной в рукописном своде (Библиотеки им. Ленина) первой половины XVI в. Далее, известия под 6880 г. соответствуют Никоновской под 6880 г.; под 6882 г. — известию под 6880 г.³⁶ и 6882 г.; а текст 6883 г. — Никоновской под 6886 г., хотя там говорится, что Василиса была положена не в соборе Спаса, а в монастыре Зачатия. В Никоновской же летописи находим и пространный некролог княгини Василисы (Феодоры). Рассказ Нижегородского летописца под 6904 г. о буре в Нижнем Новгороде находим в Никоновской летописи и в неопубликованном Забелинском списке Тверского сборника под 6914 г. Далее, под 6907 г. рассказ ближе к Троицкой летописи и Воскресенской под тем же годом, чем к Никоновской (под 6904 г.); а рассказ Нижегородского летописца под 6918 г. более подробно изложен в Никоновской и Симеоновской под 6919 и 6918 гг., но он содержит еще список князей и княгинь, похороненных в соборах Спаса и арх. Михаила, как упомянуто выше. Наконец, под 6930 г. читаем описание голода в городах и в том числе в Нижнем Новгороде, которое в несколько более подробной редакции находится в Симеоновской и Никоновской летописях под тем же годом.

Из сказанного можно заключить, что рассмотренная компиляция содержит начиная с 6811 г. выборки о нижегородских событиях из разных летописей, преимущественно из летописи, близкой к Никоновской, или из общего их протографа. Так или иначе, но данных для утверждения существования нижегородского летописного свода XIV в. в Нижегородском летописце мы не находим.

Рассмотрение неопубликованных списков Нижегородского летописца не меняет вывода. Некоторые из них передают текст местами с сокращениями, а некоторые дают кое-какой лишний материал. Так, список БАН №16. 17. 23 и Строгановский список (№ 38) XVII в. той же библиотеки сообщают под 6880 г. о том, что «[великий] князь Борис Александрович поставил «себъ го-

³⁶ За исключением слов: «и зачаты делать Дмитровские ворота».

род» на р. Суре и назвал его Курмыш. В Строгановском списке под 6907 г. к словам «Володимер Даниловичъ» прибавлено «Ушаков», а под 6918 г. отмечено, что татары были «касимовские»³⁷.

* * *

Вопрос о том, что представлял собою оригинал Лаврентия или свод 1305 г., правильно, в общем виде, разрешен М. Д. Приселковым. Путем тщательного анализа последней части Лаврентьевской летописи и сопоставления этих данных с данными по истории великого княжества владимирского Приселков, как мы говорили, убедительно показал, что свод 1305 г. представлял собою великокняжеский владимирский свод, составленный, когда великим князем владимирским был тверской князь Михаил Ярославич, чем и объясняется наличие тверских известий в последней части летописи. Михаил Ярославич продолжал великокняжескую летописную традицию своих предшественников.

Основной нашей задачей в предлагаемом труде является восстановление владимирского летописания первых десятилетий XIII в., погребенного в значительной мере под пластом более позднего слоя ростовского. Нам, таким образом, надлежит прежде всего выяснить: когда, где и почему владимирское летописание было соединено с ростовским?

Приселков полагал, что это соединение произошло в 1239 г. Когда великому князю владимирскому Ярославу Всеволодовичу потребовался «летописный рассказ, доводящий изложение до вступления Ярослава на владимирский стол», то Ярослав обратился в Ростов, где могли выполнить его поручение. «К сожалению,— пишет Приселков,— уяснить себе причину, побудившую Ярослава предпринять составление свода, излагавшего на ростовском и владимирском материале историю всего Ростово-Суздальского края, мы не имеем данных»³⁸.

Неверно считать, что в основу «великокняжеского свода Ярослава» в 1239 г., как думал Приселков, «положенным оказался ростовский летописец Константина и его сыновей». Ярослав был яростным врагом Константина. Длительная борьба Ярослава и Юрия против Константина завершилась разгромом братьев и победой Константина и новгородцев в 1216 г. По новгородскому источнику, Юрий винил во всем брата Ярослава как инициатора вражды: «суди богъ брату моему Ярославу, оже мя сего довелъ». Уже после того как Юрий присягнул Константину, Яро-

³⁷ В списке БАН № 16.14.24.XVII в., под 7192 г. сообщается: «межь Самары и Саратова поставленъ Новгород Сызранть на реке Сызранте и на реке на Крынзе».

³⁸ См. М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., Л., 1940, стр. 94.

слав «еще пребывая въ злѣбѣ и дыша гнѣвом не покоряшеся, затворися в Переяслави...». Зачем же Ярослав стал бы обелять Константина? Не в пользу 1239 г. как рубежа и года, когда произошло соединение, говорят и формальные признаки: и до 1239 г. и после видим в Лаврентьевской летописи сильную ростовскую окраску; и до 1239 г. и после прослеживается рука почитателя епископа Кирилла³⁹, и до 1239 г. и после видим нить известий, связанных с великокняжеской деятельностью Ярослава. Есть и еще одно соображение, которое препятствует отнесению переработки владимирского великокняжеского текста первых десятилетий XIII в. на ростовском материале к 1239 г. В результате переработки бурные события 1212—1216 гг. изображены в Лаврентьевской летописи не такими, какими они были на самом деле. Вражда князей под рукой летописца в значительной мере преобразована в миролюбие и согласие, а это едва ли мог бы сделать летописец в 1239 г., когда память о событиях была еще свежа.

Когда же переработка на ростовском материале была произведена? Тверская нить известий начинается в Лаврентьевской с 1282 или с 1285 г. Пространный рассказ о баскаке Ахмате в Курском княжении, помещенный под 6792 г. и под предыдущим (где не сохранилось начало за утратой листов), т. е. под 1283—1284 гг., повествует о событиях 1287/88—1293 гг., как можно установить на основании персидских и арабских источников; таким образом, он был вставлен при составлении свода 1305 г. Судя по Симеоновской летописи, 6790 г. и начало 6791 г. (1282—1283 гг.) не содержали ростовского материала. Таким образом, ростовский материал, который идет сплошной нитью за ряд десятилетий, кончается на 1281 г., и встает вопрос: не был ли присоединен ростовский материал к владимирскому (в тексте великокняжеского свода первых десятилетий XIII в.) именно в это время? Рассказ об Ахмате показывает, что вставки задним числом нового материала в текст великокняжеских сводов бывали, и интересующая нас переработка могла быть сделана около 1281 г. К тому же год этот считается вехой в истории летописания.

Переработка делалась с целью показать читателю братское единение князей, дать образцы княжеского согласия и взаимной любви. В редакции Лаврентьевской летописи вражда, длившаяся с 1211 по 1216 г., почти полностью замалчивалась. Военные действия 6724—6725 гг. отразились в одной фразе, составленной явно представителем церкви, которая заканчивалась картиной единения и «великой любви». Та же идея проводится и в рассказе под 1218 г. о том, как Константин сжал сыновей своих по городам, говоря им: «возлюбленѣи мои чадѣ! Будита межи собою

³⁹ Ср. также «Приложение» к настоящей статье.

в любви», после чего следовал ряд наставлений церковного характера и заявление о том, что он ввиду приближения смерти поручает их «брату и господину Гюргю, да то вы будете в мене мѣсто». Та же тенденция обнаруживается и ниже, где Юрий и Ярослав, приехав в г. Владимир, будто бы плакали по Константину «плачемъ вельим, акы по отци и по братѣ любимѣм, понеже вси имѣяхуть ѿ отца мѣсто».

Та же тенденция просвечивает и в тексте Лаврентьевской летописи, относящемся к 50-м годам XIII в. Подчеркивается единение великого князя Александра Невского с ростовскими князьями; особенно заметно это под 6767 и 6769 гг. Так, под 6767 г. Александр Невский приезжает из Новгорода в Ростов, «к святыи Богородицѣ», кланяется собору и епископу, обращается к нему со словами благодарности, и тогда «блаженныи же епископъ Кирилъ, Борисъ и Глѣбъ и мать их Марья княгини чтиша Олександра с великою любовью, и поѣха в Володимерь». Под 6769 г.: «благовѣрныи же князь Олександръ, сынъ Ярославль, Борисъ и Глѣбъ Василковича волею божьею и поспѣшеньемъ святыя Богородица, благословеньемъ митрополита Кирила и епископа Кирила, изведоша архимандрита святаго Богоявленья Игнатъ, и бысть причетникъ церкви святыя Богородица в Ростовѣ»⁴⁰.

Надо сказать, что конец 70-х — начало 80-х годов было временем, когда несмотря на условия татарского ига в Ростове развивалась письменность. Это объясняется и тем, что в Ростове высоко стояли литература и просвещение еще с домонгольской поры⁴¹; и тем, что Ростов не был разорен, как Владимир; по новгородскому первоисточнику, Ростов и Суздаль не сопротивлялись: «Ростовъ же и Суздаль разыдеса розно»⁴²; и тем, что после нашествия Батыя Ростов был единственным епископским центром во всей Ростово-Суздальской земле; и тем, что к 70—80-м годам, судя по некоторым признакам, возобновились в какой-то мере культурные связи Северо-Востока с Киевщиной⁴³. Особенно бросается в глаза обличительная сторона в литературе того времени, резкая критика некоторых сторон общественной жизни⁴⁴.

⁴⁰ См. Лаврентьевскую летопись.

⁴¹ К вопросу о распространении знания греческого языка и письменности в Ростове см. рукопись собр. Егорова № 637, Б-ка им. Ленина, л. 361; см., также «Повесть об ордынском царевиче Петре», ср. Краткий отчет о деятельности Общества древней письменности за 1917—1923 гг., Л., 1925, стр. 33 и Приложение к настоящей статье.

⁴² См. Новгородскую I летопись.

⁴³ См. о приездах митр. Кирилла из Киева в Лаврентьевской летописи; см. также РИБ, VI, стр. 83—102.

⁴⁴ К концу XIII в., к 70—80-м годам, относится та редакция «Мерила праведного», которая сохранилась в Троицком списке. Ср. проповеди Серапиона.

Как раз около 1281 г. был составлен дошедший до нас Летописец патриарха Никифора со вставками ростовского материала, ростовскими известиями, которые кончаются сообщением о смерти Глеба Васильковича (в 1278 г.)⁴⁵.

К этому же времени, к 1281 г., относится «Послание Иакова черноризца к ростовскому князю Димитрию Борисовичу». Духовник Иаков уговаривает ростовского князя проявить любовь к ближнему, причем указывает на «год ратен», на угрозу вооруженного столкновения, до которого едва не дошло дело в то время у Дмитрия Борисовича с братом Константином⁴⁶. В Ростове почти непрерывно велись летописные записи (указания имеются с 1253 г.), в то время как во Владимире после нашествия Батыя летописные записи прекратились, судя по тому, что за длительный период после Батыева нашествия в Лаврентьевской летописи нет владимирских записей с точной датой⁴⁷.

Великокняжеский владимирский свод приходилось составлять, таким образом, на ростовском летописном материале и на записях, которые можно было сделать по припоминанию, задним числом. К числу последних относятся записи о приездах во Владимир и о деятельности на Северо-Востоке митрополита Кирилла.

Те годы, когда составлялся великокняжеский летописный труд, были чрезвычайно тревожными. В 1281 г. открылась «крамола» между ростовскими князьями, как мы говорили, в которую чуть было не был вовлечен великий князь Дмитрий Александрович. А вслед за тем началось большое междоусобие среди северо-восточных князей, толчком к чему послужили события в Орде, где со смертью Менгу-Тимура, т. е. с 1280—1282 гг. воцарилось фактически двоевластие, причем нетрудно было предвидеть длительную и бедственную смуту. В Северо-Восточной Руси обозначились две различные политические ориентации. Прочные связи по родству и «службе», которые установились у ростовских князей, во всяком случае части их, с Волжской Ордой, сделали их верными вассалами ханов Поволжья. Эти князья — Константин Ростовский, Федор Ярославский и князь Андрей Городецкий выступают в 80—90-х годах XIII в. в качестве ставленников и вассалов волжских ханов; с другой стороны, князь Дмитрий Александрович Переяславский и, можно думать, князь Михаил Тверской оказываются вассалами «царя» Ногая и ищут поддержки у последнего.

⁴⁵ См. ПСРЛ, т. I, стр. 248—252.

⁴⁶ См. С. Смирнов. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины (тексты и заметки), 1916, стр. 431—446; его же. Древнерусский духовник, 1913, стр. 147.

⁴⁷ А. Н. Насонов. Монголы и Русь, стр. 38.

Сразу же, в 1281 г., начинается вражда. Великокняжеская летопись с осуждением повествует, что князь Андрей «испросилъ себѣ» в Орде «княжение великое *подѣ братомъ своимъ*, имѣя споспѣшника себѣ и пособника» какого-то Семена Тонилиевича, и «сѣ нимъ *иныа коромолники*». Когда нагрянула татарская рать, к ней присоединились и Константин Ростовский и другие князья. Летопись дает пѣнать, какое страшное опустошение и на какой большой территории произвело это «нахождение», когда разорялись «города и волости и села и погосты и монастыри и церкви». От Мурома до Торжка «множество безчислеио христианъ полониша, по селомъ скотъ и кони и жита пограбиша, высѣкающе двери у хоромовъ; и бѣше *великѣ страх и трепетѣ* на христианскомъ родѣ...»

В интересах великого князя Дмитрия Александровича было противодействовать надвигавшейся угрозе посягательств на великокняжеский стол, угрозе «нахождений», и распада и продолжительного разорения страны. Противодействие должно было быть и со стороны владимирской епископской кафедры, восставшей в 1274 г., на которую тогда был поставлен известный проповедник Серапион, вышедший из архимандритов Киево-Печерского монастыря и привезенный во Владимир митрополитом Кириллом. В 1281 г. кафедру занимал Федор. Напомним, что самый принцип княжеского единения традиционно пропагандировался в Киево-Печерском монастыре. Нет сомнения, что и ростовский епископ Игнатий не мог не бояться надвигавшейся угрозы длительных смут. В 1281 г., когда началась «крамола» между ростовскими князьями, один из них ездил с жалобой к вел. князю Дмитрию Александровичу. Дмитрий Борисович стал в Ростове «наряжать полкы» и «городъ весь замяте». По приезде в Ростов великого князя состоялось примирение: «пред» епископом Игнатием и «введоша ихъ в любовь, и взяша миръ»⁴⁸.

Именно в это время, после опустошительного «нахождения», о котором выше шла речь, перед угрозой длительного междоусобия, могла возникнуть мысль показать в великокняжеском своде, что во времена «дедов» «князья-братья» действовали в согласии между собою, и если и начинался конфликт, он кончался миролюбивым соглашением, «великой любовью»; именно в это время и могла быть произведена та переработка владимирского текста первых десятилетий XIII в. на ростовском материале, о которой мы говорили выше.

Нельзя не обратить внимания на то, что в том же великокняжеском тексте, как он восстанавливается с помощью выпи-

⁴⁸ См. Симеоновскую летопись под 1281 г.

сок из Троицкой летописи Карамзина, читалось (под 1270 г.) по поводу «убиения» татарами Романа Ольговича Рязанского обращение к князьям с призывом не враждовать: «О възлюблении князи русьскыи, не прелщайтеся *пустошною славою свѣта сего, еже хуже паучины* и яко стѣнь мимо идетъ... не обидите меньшихъ сродникъ своихъ...»⁴⁹. Аналогичное выражение читаем в Лаврентьевской под 1216 г. по поводу смерти ростовского епископа Пахомия: «...не хваляся ни о чемъ же суетствомъ *пустошнаго свѣта сего, еже скоро мимо иде и хуже паоучины...*» Нельзя не отметить также, что под 1216 и 1227 гг. читаем в Лаврентьевской летописи обличения в «мздоимании», «граблении», «насилиях», которые перекликаются с обличениями Серапиона и с рассказом в «Мериле праведном» о беседе князя с Симеоном Тверским.

Средоточием летописного дела в Ростове еще с XII в. был ростовский Успенский собор. В распоряжении руководителей могли быть и записи ростовских князей. Известно о близости Кирилла к Васильку, Пахомия — к Константину⁵⁰. Преемником Кирилла был Игнатий, о котором упоминается в великокняжеском тексте летописи почти под каждым годом (см. Симеоновскую летопись под 6773, 6777, 6779, 6781, 6784, 6785, 6786, 6788, 6789 гг.). Мы видели, что новый великокняжеский владимирский свод приходилось составлять на ростовском материале. Игнатий мог наблюдать за составлением нового великокняжеского свода в Ростове. Однако окончательная обработка делалась уже во Владимире. Под 6788 г. рассказывается, как тот же епископ Игнатий, согласно решению приехавшего митрополита, сотворил «неправо», осудив покойного князя Глеба и «изринув» тело его из соборной церкви, и приводятся слова укора, сказанные митрополитом епископу.

Несмотря на разорение 1238 г., город Владимир-на-Клязьме оставался официальным центром «великого княжения владимирского», и изучаемый нами текст, сохранившийся в Лаврентьевской и Симеоновской летописях, редактировался, хотя и с помощью ростовского материала, как летописный свод *великого княжения владимирского*. Под 6746 г. читаем, что Ярослав, «сын Всеволода великаго» сел «на столъ в Володимери», что в следующем году он привез во Владимир останки брата Юрия и «весь градъ Володимерь» оплакивал покойного; что он похоронил его во владимирском Успенском соборе, где покоился и «Всеволодъ, отецъ его». И далее помещена та «похвала»

⁴⁹ См. Н. М. Карамзин. История Государства Российского, IV, прим. 136.

⁵⁰ Пахомий был «духовником» Константина (см. Лавр. лет., 6722 г.), а Кирилл — Василька. О значении «духовничества» в Древней Руси см. С. Смирнов. Указ. соч.

Юрию, в которой составитель оправдывал его поведение при переговорах с татарами, которые «велику пакость землям творять, еже и *здѣ многа зла створиша*»⁵¹. Составитель подчеркивал, что Юрий сидел во Владимире «на отни столѣ» 24 года и на 25-м погиб, и при подсчете лет игнорирует годы княжения Константина. Под 1241—1246 гг. рассказ следит за деятельностью Ярослава как великого князя владимирского, а с 1247 г. — за деятельностью Александра (Невского), хотя он еще не был тогда великим князем владимирским; под 1252 г. обстоятельно рассказывается, как Александра сажали во Владимире «на столѣ отца его» и затем также прослеживается его деятельность как великого князя владимирского и т. д.

Как летописный свод великих князей, владимирский великокняжеский летописный свод должен был храниться во Владимире: или в Успенском епископском соборе или в Рождественском Успенском монастыре, находившемся в юго-восточной части владимирского кремля, где в новое время стоял архиерейский дом.

О Рождественском монастыре я упоминаю ввиду следующих данных. Во-первых, еще до нашествия монголов, как давно было замечено, исчезают признаки ведения летописания во Владимирском Успенском соборе. Во-вторых, то, что Успенский собор был епископским, не имело прежнего значения после 1238 г. для летописного дела, так как со смертью владимирского епископа Митрофана, погибшего в Успенском соборе при взятии Владимира, в г. Владимир епископа не ставили.

Во-вторых, Рождественский монастырь занял в XIII в. первостепенное значение в стране (только много позже он перешел на второе место по значению, после Троице-Сергиева⁵²). Весьма показательно, что епископов в XIII в. стали ставить из игуменов Рождественского монастыря и во Владимир и в Ростов; так, в 1214 г. поставили Симона Владимирского; после его смерти из игуменов того же монастыря — Митрофана Владимирского; и из

⁵¹ Если автор напоминает о постройке Юрием Новгорода Нижнего, то потому, что это был единственный «город», о постройке которого Юрием рассказывала летопись, а об основании Благовещенского монастыря — потому, что о каких-либо других монастырях (построенных Юрием) летопись вообще не говорила.

⁵² См. Зверинский. Материалы для историко-топографического исследования..., СПб, т. II, 1892, стр. 293.

В описи «книг», взятых для патриарха Никона из владимирского Рождественского монастыря 30-х годов XVII в., числилось всего 93 рукописи; из них — «5 книг летописцев», «письменных», из которых один был «въ полдестѣ». Не знаем точно, что это за «летописец», но как известно, Лаврентьевская летопись — именно «в полдестѣ», т. е. в большую четвертку (см. рукопись М. Синод. Библиотеки № 205; см. «Чтения ОИДР», М., 1848, кн. 6, отд. IV, стр. 1—44).

игуменов же Рождественского монастыря был поставлен Кирилл, о котором так много говорится в Лаврентьевской летописи и у которого должны были быть связи с братией Рождественского монастыря.

В-третьих, есть основания полагать, что в Рождественском монастыре должны были особенно чтить Юрия Всеволодовича, что необходимо иметь в виду при решении вопроса, где был завершен свод Юрия и где писалась «похвала» ему. Рождественский монастырь основал Всеволод в 1192 г. («и монастырь созда, въ немъ церковь камену Рожество святыя Богородица»). Но исключительно важное положение монастырь занял при Юрии Всеволодовиче, когда при жизни Иоанна на его место епископом поставили игумена Рождественского монастыря Симона. Дело в том, что Иоанн не удовлетворял требованиям Юрия (недаром при составлении летописного свода некоторые известия, связанные с Иоанном, из текста выбросили). Симон был первым епископом выделившейся (отдельной от ростовской) владимирской епископии. Уже самое деление северо-восточной епископии на две соответствовало желанию Юрия, а не Константина, сидевшего в Ростове и домогавшегося «Владимира к Ростову». Близость Симона именно к Юрию в период его борьбы с Константином не подлежит сомнению. После поражения Юрия при Липице Константин сел во Владимире, а Юрию было предложено ехать в Радилов-Городец; он поехал и вместе с ним поехал и епископ владимирский Симон. Согласно «ряду», Юрий отправился в Суздаль, и опять вместе с Симоном: «и вниде во нь (т. е. в Суздаль.— А. Н.) сентября 11, а епископ Симон с нимъ вниде в свою епископью»⁵³. После смерти Константина Юрий садится во Владимире, и Симон «епископъ его (sic!) вниде тогда опять в свою епископью»⁵⁴, т. е. возвращается во Владимир с Юрием.

Это был тот самый Симон, от которого сохранилось послание к киево-печерскому монаху Поликарпу. В бытность епископом ему были известны не дошедшие до нас памятники письменности: «Летописец старый ростовский» и житие Антония Печерского; сам он был в какой-то мере историком Киево-Печерского монастыря. Как игумен, он должен был прививать в Рождественском монастыре вкус к исторической письменности.

В-четвертых, Александр Невский, великий князь владимирский, сведения о деятельности которого запечатлены в тексте Лаврентьевской летописи, был похоронен (согласно его завещанию?) в Рождественском владимирском монастыре: «Изволи его

⁵³ См. ПСРЛ, т. 25, 6725 г.

⁵⁴ См. там же, 6726 г.

богъ привести къ собѣ отъ славы въ славу, мѣсяца ноября въ 14 день, на память святого апостола Филиппа, и пѣвше надъ нимъ обычныя пѣсни, и положиша тѣло его въ монастыри Рождества святыя Богородица, и плакашася надъ нимъ много»⁵⁵.

В-пятых, копия, сделанная Лаврентием с великокняжеского свода 1305 г., которую мы условно называем Лаврентьевской летописью, принадлежала, как указывает запись, Рождественскому монастырю. Полагаем, что там Лаврентий вел работу по переписке, а остался его труд в Рождественском монастыре потому, что работу по подготовке нижегородско-суздальского свода приостановили по обстоятельствам, указанным нами выше.

* * *

*

Еще Шахматов обратил внимание на то, что в Московском своде, в части с 1207 по 1234 г., проглядывает «особый суздальский источник». «Не может подлежать сомнению,— писал он,— что все эти статьи и известия восходят к древней владимирской летописи».

Московский свод 1479 г. не был опубликован (Эрмитажный список не опубликован и поныне), и нет ничего удивительного в том, что М. Д. Приселков не привлек московский материал в своей «Истории русского летописания XI—XV вв.» для освещения интересующего нас вопроса. Отмечая, что в Лаврентьевской летописи мы имеем ростовское изложение «могущих нас интересов фактов», Приселков пишет: «мы ничего не имеем для суждения о том, как эти факты были изложены в великокняжеском летописном своде Юрия». Однако он признавал, что восстановление владимирского летописца Юрия с помощью «последующего летописания XV в.» «представляет собою задачу исполнимую и важную»⁵⁶.

Итак, перейдем к основной нашей задаче: к восстановлению частей владимирского великокняжеского свода первых десятилетий XIII в. Нам надлежит добыть параллельные к Лаврентьевской летописи тексты из состава Московского свода 1479 г., где отразился текст владимирского великокняжеского свода за этот период в первоначальном состоянии, т. е. летописи Юрия Всеволодовича в «подлинном» виде.

Предварительно установим самый текст Московского свода 1479 г. В статье, опубликованной в сборнике в честь проф. А. А. Новосельского⁵⁷, мной отмечены места, опущенные в

⁵⁵ См. Симеоновскую летопись, 6771 г.

⁵⁶ См. М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 94.

⁵⁷ «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России».

Уваровском списке № 1366 и сохранившиеся в Эрмитажном, с 6715 по 6746 г. Приводим ниже необходимый нам для дальнейшего исследования неопубликованный текст Эрмитажного списка под 6715 г., опущенный в Уваровском списке⁵⁸.

С другой стороны, в Эрмитажном списке обнаруживается на интересующем нас отрезке текста два более или менее значительных *механических* пропуска. Так, под 6724 г. пропущено от слов «3 мужи мира просящи...» до слов «пришли есте» (см. Эрм.,

⁵⁸ См. Эрм. список 416^b на стр. 323—325 (ср. Увар. № 1366, л. 130, слова «цѣлова к нему крестѣ на его воли. Всеволодъ же...» и т. д.; ПСРЛ, т. 25, стр. 106):

«Всеволод же Чермныи пришед седѣ в Киевѣ, много зла сотвори земли Рускои. Слышавше великий князь Всеволод Юрьевичъ, внукъ Володимеръ Ма-намаха, яко Ольговичи с погаными воюють землю Рускою, и сжалиси о том, рече: «Еда единомъ тѣмъ отчина Руская земля и нам не отчина ли?» И рече: «Хощу поити к Чернигову да како ми с ними богъ ни расправить»; и посла к Новгороду по сына своего по Костянтина. Костянтинъ то слышавъ, нача со-вокупляти вои многи новгородци и посковичи, ладожаны и новоторжци, и поиде скоро со всеми силами, и дожда отца на Москвѣ. Посла жъ Всеволод в Рязань по Романа * и по братью его, и в Муром по Давыда; онем же вскорѣ пришедшим и поидоша по Отцѣ вверхъ. А Всеволод совокупився идѣ к Москвѣ, и сrete его сынъ Костянтинъ со всеми новгородци, и целоваша и с-честию с великою, и бысть ту на Москвѣ неделю и поиде ко Отцѣ к рецѣ, со-вокупився съ сынами своими с Костянтином, Юрьемъ, Ярославом// и Володи-мером; и пришед ко Отцѣ, сташа шатры возлѣ реку по берегу. И того жъ дни приидоша к нему рязанстии князи Романъ Глѣбовичъ и брат его Святославъ со двема сынома, Игоревича ** два, Глѣбъ и Олегъ **, а Святославичи Мстис-лавъ (со *** двема сынома Игоревича два) *** и Ростислав; а Всеволод Гле-бовичъ уже преставись въ Пронскѣ. Бысть же вестъ великому князю Всеволо-ду от * Глеба и Ольга от Володимеричу *, яко сложилися стрывѣ их с Оль-говичи и пришли к нему на леств; онем пришедшимъ всем ко Всеволоду и целовав их и повеле им сести в шатрѣ, а сам иде в други [и] шатеръ постель-ны. И нача к ним слати князя Давыда Муромскаго и боярина своего Михаила Борисовича на обличение их. Онем же кленущимся и ротящимся, яко несть тако. приидоша же Володимеричи Глѣбъ и Олегъ братеничи их и обличиста их. Князь же великий повелѣ изнимати их и бояр их и вести в Володимеръ, а оттолѣ посла и в Петровъ. Во утрии же сам перебродися Оку и поиде к Пронску съ [сы]нами своими и Володимери[чи] Глѣбъ и Олегъ с ним и Дав[ы]дъ Муромски, а лодии свои отпусти на островъ к Ольгову с товаром со всем. Слышавше же то киръ Михаило Всеволодичъ, и беже въ Киевъ ко тѣстю своему Всеволоду Чермному, а проняне пояша к себѣ Изяслава Володимерича, затворишася с ним во граде. Князь же великии пришед к Пронску и отпусти ** город вси полки своими и стоя около его двѣ недели. Слышавше жъ рязанци, яко людие суздальсти// и новгородци стоять с товаром на островѣ у города у Ольгова, и нарядиша на них людии *** с людьми с многими и сами поидоша на коних брегомъ со князем Романом Игоревичем...

* В рукописи Ромона.

— В ПСРЛ, т. 7: Игоревича два Ингваръ и Юрьи и Володимерича два Глѣбъ Олегъ.

— Скобки имеются в рукописи.

— В ПСРЛ, т. 7 от Глѣба от Володимерича.

** В ПСРЛ, т. 7 оступи.

*** В ПСРЛ, т. 7 лодии.

стр. 342; ср. Увар., л. 138 об.—139); и под 6727—6728 гг. в Эрмитажном пропущен текст от слов «Того же лѣта иде Мъстиславъ Мъстиславич...» до слов «Бѣ же острог утвержень...» (см. Эрм., стр. 350—351; ср. Увар., лл. 143—144). Пропуск (вместе с годом) был замечен переписчиком Эрмитажного списка, судя по тому, что против слов «Бѣ же острог» он тем же почерком написал на полях: «в лѣто 6728»; следовательно, этот изъян был уже в оригинале Эрмитажного списка. Кроме того, можно отметить несколько мелких пропусков. Так, под 6728 г. в Эрмитажном списке ниже пропущено «Мъстиславъ Романович» (см. Эрм., стр. 354; Увар., л. 145 об.). Под 6731 г. в Эрмитажном списке пропущены слова «ни городов ваших, ни сел, ни на вас приидомъ» (Эрм., стр. 358; Увар., л. 147 об.); и ниже слова: «противу им, и не дошедше Ошеля, сташа» (Эрм., стр. 359; Увар., л. 147 об.). Все отмеченные нами опущенные чтения имеются в Воскресенской летописи. В своде 1479 г. они, очевидно, были.

Теперь извлечем из текста Московского свода 1479 г., в пределах интересующего нас отрезка, все, что восходит к Софийской I летописи (и частью к Новгородской IV). Так, под 6715 г. извлекаем текст от слов «и дасть имъ уставъ старых князей» до слов «...а лихихъ казните»; далее от слов «А новгородци пришедше к себѣ...» до слов «...сына своего Святослава»; и от слов «Прииде же Святославъ...» до слов «...серебро пойма» (ср. Софийскую I под 6717 г.). Под 6720 г.—от слов «Исперва не хотяи добра злодѣи...» до слов «...и богатство взяша», т. е. до конца года. Под 6722 г.—от слов «Иде князь Мъстиславъ с новгородци...» до слов «...и приидоша здрави вси».

Под 6723 г. происхождение трех мест допускает двойное толкование. Эти фразы совпадают с Новгородской IV летописью. Они могут восходить к источнику, близкому к ней. Но эти фразы вкраплены в текст, повествующий о событиях в Новгородской земле и не совпадающий с Новгородской IV летописью. Следовательно, они могут восходить к общему источнику с Новгородской IV летописью. Из осторожности мы примем условно первое толкование и извлечем их: от слов «Ярославу же Всеволодовичю съдящу...» до слов «...поточи их на Тферь»; от слов «посла в Новъгород Ивора...» до слов «...и его друзей, изнима»; и от слов «...изнима намѣстника Ярославля» до слов «...и в малѣ богъ и правда».

Под 6724 г. извлекаем почти весь текст, с начала года до слов «...а Володимер къ Пскову» (в конце года) и последнюю фразу под этим годом, от слов «Осени тои ходи...». В Софийской I летописи пространный текст, содержащий рассказ о событиях, связанных с Липицкой битвой, местами, во всяком

случае, ближе к оригиналу, что видно из слов «наши князья», адресованных Мстиславу и его союзникам и свидетельствующих о новгородском происхождении текста, что явствует и из содержания рассказа, в котором автор с осуждением говорит об Ярославе и Юрии. Как исторический источник и памятник языка весь этот текст представляет выдающийся интерес.

Под 6726 г. извлекаем от слов «Мъстиславъ Мъстиславич...»: до слов «...по Святослава»; под 6727 г. — от слов «посла князь велики...» до слов «...а сам съде в Галичи»; под 6728 г., в конце года — от слов «Архиепископъ Новгородскыи...» до слов «...в Перемышлѣ»; под 6729 г. от слов «Выгнаша новгородци...» до слов «...сына своего Всеволода»; под 6730 г. — от слов «Тое же зимы князь Всеволодъ...» до конца года; под 6731 г. — с начала года до слов «...и печаль по всѣмъ градом и по волостем» и ниже фраза от слов «Сихъ же злых...» до слов «...ся дѣли опять»; под 6733 г. — от слов «Князь Михаило Всеволодич...» до слов «...проводиша его с честью» (причем, слова «бѣ бо Михаило шуринъ Юрью» могли принадлежать составителю Московского свода); далее, слова «7 их тысящъ и гости побиша»; от слов «придоша же...» до слова «мало»; слова «изнима 2000», и от слов «Убиша же ту Литва» до слов «иде в Новъгород».

Под 6736 г. извлекаем от слов «Князь Ярославъ...» до слов «...и Якима тиуна»; под 6737 г. — с начала года до слов «А послы держа все лѣто»; под 6738 г. — от слов «Того же лѣта бысть морь силенъ въ Смоленсцѣ...» до конца года; под 6739 г. — с начала года до слов «...при кончинѣ град сеи»; под 6741 г. — от слов «...преставися князь Феодоръ» до конца года; под 6742 г. — от слов «Князь Ярослав Всеволодич иде...» до конца года; под 6743 г. — весь текст; под 6744 г. — с начала года до слов «...в полон взяша»; под 6745 г. — от слов «Том же лѣтъ прииде в Киевъ...» до слов «...такo исполнися опять». На этом мы кончаем, так как происхождение рассказа в Московском своде о Батыевом нашествии, во время которого был убит Юрий, мы выясняли выше.

Теперь извлечем из того же текста Московского свода источник, близкий к Троицкой летописи; а так как Троицкая была весьма близка к Лаврентьевской, то, следовательно, — близкий и к Лаврентьевской. Мы, конечно, могли бы идти и иным путем. А именно: имея в виду, что в Лаврентьевской, хотя и в переработанном виде, отразился искомый нами владимирский текст, не все извлекать из московского текста, что совпадает с Лаврентьевской и Троицкой, а оставлять то, что, по нашим соображениям, должно было быть во владимирском летописце Юрия Всеволодовича. Но, избрав такой путь, легко допустить произвольные, субъективные решения. Поэтому осторожнее действовать

планомерно и сомнительными фрагментами не пользоваться. Но, конечно, те места, где будем наблюдать в изложении конкретных сведений отступления от Троицкой и Лаврентьевской в Московском своде, мы будем вправе относить к искомому источнику.

Итак, извлекаем из Московского свода под 6715 г. с начала года до слов «...сташа шатры возлѣ реку по берегу» (см. Эрм, стр. 323) ^{58a}; от слов «и бывшу ему у Доброга...» до слов «...послуша моления их и поиде от них»; ниже фразу «а Константина остави у собе и да ему Ростовъ» и от слов «А рязанци тогда здумавше...» до слов «...ничто же, възратишяся». Слова «а епископа Арсеня поя съ собою» оставляем в тексте только условно: дело в том, что в Лаврентьевской упомянуто об этом, но под следующим годом.

Под 6716 г. извлекаем с начала года до слов «...пришед у Рязаня» ⁵⁹; под 6717 г.— последнее известие, т. е. от слов «Мѣсяца декабря...» до конца года; под 6718 г.— от слов «Сѣде в Киевѣ Всеволод...» до конца года; под 6719 г.— от слов «Того же лѣта загорѣся город Ростов...» до конца года; под 6721 г.— последнее известие («Заложи князь Константинъ...» и т. д.); под 6722 г.— от слов «Родися князю Костянтину...» до слов «...своего духовнаго»; под 6723 г.— от слов «Того же лѣта преставися князь Рюрикъ...» до слов «...в вежи свои»; под 6724 г., в конце года,— от слов «Того же лѣта великий князь Костянтинъ...» до слов «из Суздаля»; под 6725 г.— с начала года до слов «...мѣсяца иуля 20» и последнее известие от слов «Тое же зимы...» до конца года; под 6726 г.— с начала года до слов «...а Всеволода на Ярославль»; под 6728 г.— от слов «Того же году преставися княгини Костянтинова...» до слов «...генваря 24» и последнее известие от слов «Томъ же лѣтѣ преставися...»; под 6729 г.— от слов «Тогда же князь...» до слов «...Новъгород Нижний»; под 6730 г.— с начала года до слов «...и епископомъ Ефрѣмомъ»; под 6731 г.— от слов «Глаголаху же сице: яко...» до слов «...и святую богородицю» и от слов «Того же лѣта ведро...» до слов «...и невидима бысть»; под 6732 г.— весь текст; под 6733 г.— с начала года до слов «...септевриа въ 8»; от слов «Тое же зимы Литва...» до слов «...ратъ их велика», от слов «слышав же то...» до «...ис Переяславля»; от слов «и постигоша...» до «...а самих изби»; от слов «и князя ихъ ятъ...» до «...от поганых»; слова «сѣде на столѣ» и от слов «Побѣди же Литву...» до слова «сыропустную». Слова «бѣху бо преже того приходили по него новгородци,

^{58a} Заметим, что изображение в тексте отношения Константина к Всеволоду подтверждает, что мы имеем дело здесь с переработкой, характерной для Лаврентьевской летописи.

⁵⁹ Далее текст в Московском своде иной, чем в Лаврентьевской, несмотря на совпадение отдельных слов, фраз и выражений.

зовуще его къ собѣ княжити» могли быть приписаны составителем Московского свода.

Под 6734 г. извлекаем текст с начала года до слов «с побѣдою великою». Остальной текст до конца года исключаем условно: по реконструкции Приселкова он не вошел в Троицкую летопись, хотя имеется в Лаврентьевской. Напомним, что, согласно реконструкции Приселкова, в Троицкой, по сравнению с Лаврентьевской, было немало сокращений.

Под 6736 г. извлекаем текст от слов «Тоя же зимы генваря 14...» до конца года; но фраза от слов «вбѣгоша в лѣсы...» до слов «...тѣх избиша» есть в Лаврентьевской, но не вошла в реконструкцию Троицкой. Условно извлекаем и не вошедшую в реконструкцию Троицкой фразу (выше) от слов «князь Святославъ...» до слов «...к Мурому».

Начиная с 6737 г. и до рассказа о нашествии Батыя весь текст Московского свода, оставшийся за вычетом источника, близкого к Софийской I летописи, находим в Лаврентьевской летописи, причем значительные части его не вошли в реконструкцию Троицкой летописи. Но, согласно принятому правилу, мы и этот текст устраним, так как в принадлежности его к искомому владимирскому источнику можно сомневаться⁶⁰.

Так как составитель сложного текста, сохранившегося в первой части Московского свода, подвергал однотипной редакционной обработке свои источники, т. е. источник, близкий к Софийской I, и источник, близкий к Троицкой и Лаврентьевской, то надо иметь в виду, что аналогичной редакции подвергся, по всей вероятности, и владимирский источник (как мы будем условно называть искомый владимирский источник). Редакционная обработка выразилась в некоторых сокращениях в определенном направлении, о чем нам приходилось писать применительно к другим частям Московского свода.

В источнике, близком к Софийской I летописи, опущено: «яко Иоаннъ Златоустыи и Григорие Акраганьскыи»; под 6727 г. — слова «пособи богъ»; под 6732 г. — «в десятое лѣто княжения его в Киевѣ» и от слов «богъ же единъ вѣсть ихъ...» до слов «...бысть имъ» и от слов «кровь христьянскую...» до слова «...безбожными». Опущены места (в рассказе о битве при Калке), которые могли быть поняты, как укор северо-восточным князьям:

⁶⁰ Следует отметить только, что под 6742 г. к известию о том, что Святослав Всеволодович украсил построенную им церковь в Юрьеве, прибавлено: «паче инѣхъ церквей, бѣ бо изъвну около всеа церкви по каменею рѣзаны святыѣ чюдно велми, иже есть и до сего дне». Это прибавление, как видно, сделано значительно позже записи: или при составлении сложного источника Московского свода, с церковной окраской, или при составлении того владычного ростовского источника, в основании которого лежала владимирская летопись и о котором мы будем говорить ниже.

слова «Князя же великаго Юрия Суздальского нѣту в томъ свѣтъѣ» и «Василка же не бѣ в Володимерѣ, младъ»; ниже слова «а из Галича — князь Мстиславъ съ всею силою» и т. п.⁶¹

Аналогичные пропуски заметны в Московском своде в текстах, восходящих к источнику, близкому к Лаврентьевской летописи и Троицкой. Так, под 6716 г. опущено от слов «яко же рече приточник...» до слов «...праведнаго снѣсть»; точная дата — 19 августа «в недѣлю»; от слов «яко же рече приточник...» до слов «...чресла своя»; от слов «О сицех бо рече Давыдъ...» до слов «...право с нимъ»; от слов «великии князь рече...» до слова «...господи». Под 6718 г. опущена точная дата (18 июня); под 6719 г. — слова «и много зла створися, богу попушыцу за умножение грѣхъ нашихъ и неправды»; под 6723 г. — фраза «и мнози [от обоих] падаху божиимъ попушениемъ, за умножение грѣхъ нашихъ». Под 6725 г. опущено место, где рязанские князья Глеб и Константин сравниваются со Святополком Окаянным (от слов «а не вѣси ли, о окааные...» до слов «...вѣчную муку») и т. д.

В результате произведенного анатомирования московского текста мы получаем остаток в виде ряда фрагментов. Теперь перед нами стоит задача, во-первых, проверить, действительно ли это фрагменты *владимирской* летописи, иными словами, составляют ли основное содержание их владимирские известия. Во-вторых, выяснить, что представляют собою невладимирские иноземные известия этих фрагментов. В-третьих, и это главное, нам предстоит выяснить взаимоотношения этих фрагментов с параллельным текстом Лаврентьевской летописи и установить, содержат ли наши фрагменты известия, которых нет совсем в Лаврентьевской (т. е. там целиком опущенные). Затем, имеются ли сокращенные передачи в Лаврентьевской летописи (по сравнению с фрагментами Московского свода), как результат известной обработки первоначального владимирского текста (без прибавлений конкретного материала). Далее, находим ли в Лаврентьевской летописи замену первоначальных владимирских известий рассказом очевидца (ростовца?) или ростовскими записями. Само собою разумеется, поскольку в полученных из

⁶¹ Характерны для той же руки пропуски образных выражений и поговорок в рассказе о Липицкой битве, под 6724 г. Так, опущено: «но ни сту васъ (вар.: насъ) достанется единъ васъ. И ркоша промежи себе князи: «Ты, Ярославе, с плотью, а мы с крестомъ честнымъ»; или «А далече есте шли и вышли есте, акы рыба на сухо»; или «Вам животь дати и хлѣбомъ накормити»; или «А самъ брате, накорми, мя хлѣбомъ». Опущены также те места, где резко подчеркнута хвастливость Юрия и Ярослава, их самонадеянность и доблесть Мстислава Мстиславича, и где прославляется «племя» Ростислава: см., например, от слов «Ци зримъ! Оже при нашихъ полцѣхъ...» до слов «...Юри и Ярославе». Опущены слова «милостиви племя же Ростиславля и до християнъ добры» и т. п.

состава Московского свода фрагментах мы имеем только извлечения, *фрагменты* летописного источника, необходимо ожидать, что в Лаврентьевской летописи немало отдельных записей и более обширных текстов, взятых из того же владимирского летописного памятника, но не попавших в текст Московского свода.

В результате всестороннего выяснения взаимоотношения фрагментов Московского свода и Лаврентьевской летописи мы должны получить проверенные, точные показания об общей политической направленности как владимирского летописного памятника в его первоначальном, «чистом» виде, так и той ростовской обработки, которая сохранилась в Лаврентьевской летописи, и должны получить вывод, основанный на документальных данных: действительно ли владимирский великокняжеский свод первых десятилетий XIII в. был летописным памятником Юрия Всеволодовича, т. е. был составлен в его интересах или в его память?

* *
* *

Переходим к рассмотрению полученных фрагментов.

Весьма обширный фрагмент или фрагменты под 6715 г. посвящены действиям вел. князя владимирского Всеволода в Рязанской земле. Начинаются они с описания прихода рязанских князей к Всеволоду на Оке (см. Эрмитажный список) и кончаются рассказом о возвращении Всеволода во Владимир: «...и прииде въ град на введение святыя богородица». Подавляющая часть фрагмента под 6716 г. также содержит сведения о деятельности Всеволода Владимирского в Рязанской земле и о взаимоотношениях Всеволода и его сыновей с Новгородской землей. Под 6717 г. фрагмент подробно повествует о вторжении рязанских князей в Ростово-Суздальскую землю, причем сообщает точные топографические данные; этот рассказ завершается возвращением владимирского князя-победителя во Владимир. Кончается фрагмент известием о женитьбе, вторичной, Всеволода, взявшего за себя дочь витебского князя. Таким образом, все содержание фрагмента под 6717 г. заполнено записями владимирского происхождения. Большая часть фрагмента под 6718 г. заполнена рассказом о приезде во Владимир митрополита и о его пребывании во Владимире. Почти весь фрагмент под 6719 г. занимают сведения о владимирских делах: о приезде невесты Юрия и о венчании во Владимире и о завещании Всеволода относительно распределения столов; о неповиновении Константина и о съезде представителей городов и волостей, созванном Всеволодом. Значительная часть большого фрагмента под 6720 г. посвящена владимирским известиям, повествующим о событиях в Ростово-Суздальской земле, но в середине читаем ряд разнооб-

разных известий южнорусского содержания. Фрагмент под 6721 г начинается с известия о «знамени», а затем он содержит до конца владимирские известия с описанием ростово-суздальских событий. Под 6722 г. два небольших фрагмента заключают в себе галицкие и новгородские известия. Фрагменты под 6723 г. рассказывают о событиях в Новгородской земле и о взаимоотношениях новгородцев с Мстиславом Мстиславичем, но в аспекте владимирских интересов. В Новгороде тогда сидел Ярослав Всеволодович и был вытеснен оттуда Мстиславом. Под 6725 г. фрагмент сообщает о делах в Ростово-Суздальской земле в связи с судьбою Юрия. Под 6726 г. два коротких фрагмента — два известия, из которых одно южнорусское, но из владимирского источника, так как Ростислав Рюрикович определен как «зять Всеволожь великого князя», и одно — владимирское. Под 6727 г. в двух фрагментах имеются довольно разнообразные известия, но происхождение их вполне ясно (за исключением, может быть, последнего). В них читаем об Устюге и Унже; о нападении Глеба на Ингвара Рязанского; как выясняется из второго фрагмента, Ингвар просил помощи у «великого князя» Юрия и Ярослава; о рождении у последнего сына и о том, что Угры выгнали Мстислава Мстиславича из Галича. Под 6728 г. фрагмент заключает в себе подробнейшее и интереснейшее (не только для историков Руси, но и для ориенталистов) описание похода из Ростово-Суздальской земли в землю волжских болгар и осаду Ошела, а также рассказ о вторичном движении против болгар, как дела, организованного вел. князем владимирским Юрием. Фрагмент завершается несколькими короткими южнорусскими известиями: о приходе Литвы на Черниговщину и о походе из Киевщины на Галич.

Итак, уже беглое рассмотрение содержания фрагментов не оставляет сомнения, что перед нами владимирский летописный текст.

Что же представляли собою невладимирские, иноземельные известия этих фрагментов? Их сравнительно немного. Остановимся сначала на новгородских. Под 6716 г. сведения о том, что новгородцы привели к себе Мстислава Торопецкого, а Святослава Всеволодовича «прияша», и о дальнейших отношениях между Всеволодом и новгородцами могут восходить как к владимирской записи, так и новгородской, но обработанной во Владимире (см., например, «новгородци же убоявшеся пустиша Святослава...» и т. д.). Под 6722 г. читаем новгородское сообщение о том, что Мстислав Мстиславич вышел из Новгорода, оставив там жену и сына, а сам пошел в Галич просить у короля «собѣ Галича». А новгородцы, увидев, что князя у них нет, послали за Ярославом Всеволодовичем. Под 6723 г. читаем о

том, что Мстислав Мстиславич пошел на Ярослава, «зятя своего», к Новгороду и к нему в помощь пошли другие князья и собрались они в Смоленске. Новгородцы, узнав об этом, начали «вѣча дѣяти». Ярослав, увидев, что положение его «нетвердо», ушел в Торжок. Сообщается также, что Юрий Всеволодович прислал в помощь Ярославу брата Святослава, а Константин — сына Всеволода, что Мстислав много раз посылал к Ярославу в Торжок, но тот отвечал: «яко же тебѣ се отчина, тако же и мнѣ». Не исключена возможность, что этот новгородский материал был в составе владимирского летописного источника. Во всяком случае, описываемые новгородские события связаны с историей владимирского стола.

Теперь о киевских и галицких известиях полученных фрагментов. Довольно обстоятельный рассказ о южных событиях находится, как мы упоминали, под 6720 г. между владимирскими известиями. Кроме того, сообщение о смерти двух южных князей имеется под 6726 г. и о делах в Черниговщине и в Галиче — под 6728 г. Кроме того, очень краткие галицкие известия находим под 6716—6719 и 6727 гг.

Можно делать два предположения о происхождении этого материала: или, что он попал из южнорусского источника, который точно обнаруживается в тексте XII в. в Московском своде; или же, что он попал из владимирского летописного источника. Есть показания, которые делают более вероятной вторую возможность. Так, во-первых, из текста видно, что южные известия под 6726 г. попали через владимирский свод («Ростиславъ Рюрикович, зять Всеволожь *великого князя*»). Во-вторых, пользуясь киевским источником, составитель текста XII в. в Московском своде вставлял обширные выписки; между тем галицкие известия наших фрагментов (XIII в.) очень кратки (и все без точных дат). Шахматов также отмечал, что «эти галицкие известия могли читаться в древней Владимирской летописи»⁶².

При сопоставлении полученных фрагментов владимирского великокняжеского летописания с Лаврентьевской летописью прежде всего следует иметь в виду, что нельзя строить выводов на отсутствии (по сравнению с Лаврентьевской) того или иного материала в этих фрагментах, а если и делать вывод, то с большой осторожностью. Этот отсутствующий материал мог быть частично во владимирском источнике, которому принадлежали фрагменты, так как они только фрагменты, т. е. отдельные куски, хотя и значительные, не дошедшего до нас текста. К тому же и в состав Московского свода они вошли с сокращениями. Тем более важны для нас те чтения этих фрагментов, которые со-

⁶² А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов, стр. 275.

держат новый фактический, конкретный материал, новый по сравнению с Лаврентьевской летописью. Такие чтения, бесспорно, указывают на самостоятельный характер владимирского великокняжеского источника, отразившегося в Московском своде.

Здесь-то и обнаруживается работа составителя той ростовской редакции, которая была положена в основу Лаврентьевской летописи. Заполняя текст своего свода, он имел в своем распоряжении не только записи, сделанные при Успенском ростовском соборе, но и иной материал. Одновременно он сокращал тот владимирский великокняжеский источник, который в «чистом» виде отразился в добытых нами фрагментах; причем замысел его в некоторых случаях понятен, а в некоторых случаях, когда он заменяет сокращенный им текст владимирского свода кратким истолкованием событий, его замысел очевиден. Иногда он заменяет текст владимирского свода своим источником; иногда дает редакцию с несколько иными фактическими данными о событиях.

Под 6715 (1207) г. ростовский составитель, редактируя и сокращая свой владимирский великокняжеский источник, выпустил известие о том, что в числе рязанских князей, прибывших к Всеволоду на Оку, были Мстислав и Ростислав Святославичи, и о том, что схваченные рязанские князья были отправлены в Петров (ср. фрагменты). Он выпустил о том, что «весть» об измене, которая готовилась со стороны рязанских князей, была получена от *Глеба* и *Олега Владимировичей*, причем, согласно ходу его рассказа, эта «весть» была получена на Москве, тогда как во фрагменте читаем, что Всеволод получил ее на Оке, на пути в Москву. Он выпустил о том, что Всеволод пошел к Пронску с сыновьями и с *Глебом* и *Олегом Владимировичами* и *Давыдом Муромским*, а «лодии свои отпусти на островъ к Ольгову с товаром со всем», хотя ниже оказывается, по его рассказу, что Всеволод послал «полк свои к лодьям, по кормъ на Оку».

Из сказанного явствует, что ростовский составитель пытался затушевать близость великого князя владимирского к *Глебу*, который впоследствии оказался злодеем — братоубийцей (см. Лаврентьевскую и др. под 6725 г.). В согласии с таким намерением, он и ниже, под 6716 г., выпускает сведения о переговорах рязанцев с *Глебом* и *Изяславом* о выдаче им *Ярослава*, сына Всеволода, посаженного отцом в Рязани.

Он заменяет далее, под тем же 6715 г., рассказ владимирского великокняжеского свода о посылке «полка» к *Ужеску* и поражении *Романа* рассказом о тех же событиях, взятым, по-видимому, из другого источника. И при сравнении обоих текстов вырисовывается характер того владимирского летописного источника, к которому восходит полученный нами фрагмент.

Приведем оба текста:

В Лаврентьевской летописи

«Тогда же посла великий князь полкъ свои к лодьямъ, по кормъ, на Оку, и пристави к нимъ Олга Володимерича; и бывшимъ у⁶³ Ужеска, бысть имъ вѣсть, оже вышелъ из Рязаня Романъ Игоревичъ с полкомъ и бьется с лодейники у Олгова. Они же гнаша на скорѣ к лодьямъ, си же видѣвше полкъ нашъ, отступиша отъ лоды и поставиша полкъ, наши же поставиша противу имъ, а по единой странѣ лодейники; и побѣди Олегъ Романа, и възвратишася наши опять к Проньску с побѣдою ко князю великому».

В Московском своде по Эрмитажному и Уваровскому спискам

«[Слышавше жъ рязанци, яко людие суздальсти и новгородци стоятъ с товаром на островѣ у города у Ольгова и нарядиша на них люди⁶⁴ и с людьми с многими и сами] идоша на коних брегомъ со княземъ Романом Игоревичем. Слышевъ же то князь велики Всеволод и посла Олга Володимерича к лодьямъ с полком своим, и сняшася у города Олгова, и побѣди Олег Романа, и бѣжа Романъ къ Рязаню, лодейници же ихъ видѣша своихъ бѣжащих, пометавше лоды, бѣжаша в лѣсы. Романъ же прибѣгъ заговорися в Рязани, а Олег възвратися к великому князю Всеволоду с честью великою».

Как видим, перед нами две разные редакции. Единственная общая фраза: «и побѣди Олегъ Романа». Отличительная особенность рассказа во владимирском фрагменте — его построение как «Истории», изложение поступков и мотивов обеих сторон, а не запись односторонних впечатлений. Рассказ и начинается с действий и мотивов противной стороны: рязанцы, узнав, что новгородцы и суздальцы стоят «с товары» на острове у Ольгова, наряжают лоды с людьми, а сами идут берегом на конях. Об этом узнает великий князь Всеволод и в результате посылает «полк». Подчеркнуто позорное поведение Романа Рязанского: он бежал к Рязани; увидев это, рязанские лодейники бросают свои «лодья» и бегут в леса. Перед нами текст великокняжеской владимирской «Истории», владимирского свода.

В Лаврентьевской летописи этот текст заменен записью, по-видимому, участника событий (может быть, ростовца?). Насколько ему было известно, полк был послан к Ольгову «по кормъ» (т. е. за продовольствием). О том, что из Рязани вышел

⁶³ В Лаврентьевской летописи: въ

⁶⁴ В Воскресенской летописи: лодии.

Роман и бьется у Ольгова с суздальскими лодейниками, узнали в пути (он и, очевидно, воины его). Воинов, т. е. свой полк, он называет «наши» («наши» построились, «наши» возвратились). Как запись участника, она дает одностороннее описание событий. Составитель ростовской редакции использовал, таким образом, материал записей.

Подобные же показания дает сравнение рассказа в текстах Лаврентьевской летописи и владимирского фрагмента из Московского свода о капитуляции Пронска.

Приводим оба текста:

*В Лаврентьевской
редакции*

«И стояша около города 3 недѣли, и передашася люде в четвергъ 3-иѣ недѣли, мѣсяца октября въ 18 день, на память святаго апостола Луки еуангелиста; князь же великий омиривъ ихъ, и посади у нихъ Ольга Володимерица, а самъ поиде к Рязаню, посадики посажавъ своѣ по всѣмъ городомъ ихъ».

В Московском своде

«Слышевъ же то Изяславъ съ проняны, яко полкъ рязаньскыи побѣжденъ (т. е. поражение Романа.— А. Н.), а сами уже безводиемъ умирающе бяху, и скоти ихъ, и выидоша из града вси со княземъ Изяславомъ октября 18, и поклонишася великому князю Всеволоду. Онъ же водивъ ихъ къ кресту и посади тиунъ свои въ Проньсѣ, а Изяславу съ братама своима раздѣли имъ отчину ихъ, а княгиню кюръ Михайлову веде съ собою».

И здесь также во владимирском фрагменте из Московского свода рассказ носит характер летописной «Истории»: изложены прежде всего мотивы и соображения противной стороны (Изяслава и пронян), побудившие их пойти на сдачу города: известие о поражении Романа, безводие, падеж скота. Подчеркивается торжество великого князя Всеволода: вышедшие из города с Изяславом «поклонишася» великому князю Всеволоду, а он водил их ко кресту и распоряжался, как хозяин: посадил тиуна в Пронске, разделил «отчину» между Изяславом и двумя братьями, а княгиню Михайлову увел с собою.

В Лаврентьевской же летописи сравнительно короткая запись, которая носит односторонний характер, причем отмечено, что великий князь посадил в Пронске Ольга Владимировича, а сам пошел к Рязани, посажав по городам посадников.

Ростовский составитель под тем же годом ограничился кратким сообщением об обратном движении Всеволода во Владимир, на Коломну и Усть Мерьскы, где его настиг рязанский епископ. Между тем во владимирском фрагменте с записи или со слов

лица, сопровождавшего великого князя Всеволода, описывается, как Всеволод стоял у Оки, так как река не стала и по ней еще шел лед («кры»); стояли два дня, на третий перешли и остановились у Коломны; как на утро были сильный дождь и буря и реку взломало, и рязанский епископ, который подошел к Оке утром, должен был переезжать «в лодьях»: он пришел «с молбою» от «людей» и от княгинь к великому князю. Только эта последняя фраза совпадает, в общем, с известием Лаврентьевской летописи, где читаем: «с молбою и с поклономъ от всѣхъ людий».

Под 6716 г. ростовский составитель не включил в свой свод (как и известия о Глебе и Изяславе, о чем выше мы упоминали) сведения о том, что Всеволод после усмирения Рязани захватил рязанцев «с женами их и с дѣтми» и «разсла по градом своим жити». Эту любопытную подробность мы находим во владимирском фрагменте Московского свода⁶⁵.

В рассказе об отношениях с Новгородом и Мстиславом Мстиславичем Торопецким ростовский составитель (под 6717 г.) назвал дважды из сыновей Всеволода, посланных отцом на Мстислава Мстиславича, только Константина Ростовского, что вполне согласуется с общей окраской его работы⁶⁶, тогда как во владимирском фрагменте названы (наряду с Константином) Юрий и Ярослав, и весь рассказ дан в несколько иной редакции (см. под 6716 г.).

Ростовский составитель весьма кратко передает свой владимирский источник в описании нашествия рязанских князей на московскую территорию, в котором роль героя-победителя осталась за Юрием. Зато владимирский фрагмент обо всем этом говорит много и охотно (под 6717 г.).

Присматриваясь к этому фрагменту, мы прежде всего замечаем черту, которую наблюдали и в предыдущих фрагментах: рассказ дан как «История», в которой характеризуются также мотивы и соображения противной враждебной стороны: рязанские князья⁶⁷, согласно тексту фрагмента, нашли, что момент для нападения удобен, поскольку сыновья Всеволода ушли к Твери против новгородцев, о чем им — рязанским князьям — стало известно («слышаша бо»). Однако расчет оказался ошибочным, так как ростово-суздальские князья заключили соглашение с новгородцами и вернулись с Твери во Владимир «къ отцу своему» (а они, рязанские князья, «сего не вѣдяху»). Равным образом ниже объясняется, почему бежал Михаил: он был извещен о поражении Изяслава.

⁶⁵ В Лаврентьевской только читаем: «поимъ по собѣ всѣ рязанци».

⁶⁶ В Лаврентьевской: «Константина с братьею его».

⁶⁷ Изяслав Рязанской и б. князь пронский Михаил Всеволодович

Характерно для этого рассказа фрагмента, что в нем подробно изложен успех Юрия Всеволодовича. Он является центральным действующим лицом. Его («Георгия») посылает Всеволод. Он приходит («пришедшу же ему») на Голубино; он посылает «сторожи»; к нему приходит «вѣсть» об Изяславе. Он («Георгий же») отправляется против Изяслава. Он же потом посылает «сторожевой полк», а «самъ» идет за ними. «Юрьевы» «сторожи» гонят «Изяславлих». Он идет за ними «вборзѣ», наносит удар («ударил») Изяславу и одерживает победу. Наконец, он возвращается «с побѣдою къ отцю своему в Володимирь с великою честью».

Материалом для этого текста послужили записи, сделанные тогда же, или устные сообщения. Помимо топографических данных, весьма точно сообщается о временах дня: на Голубино пришли «вечер». Юрий выступил «черес ночь»; встреча сторожевых отрядов произошла «в раннюю зарю»; когда Михаил узнал о поражении Изяслава, был «тогда великыи четвертокъ и соборъ архаггела Гавриила...».

Итак, во владимирском фрагменте под 6717 г. имеем также текст *великокняжеского* летописного памятника, сочувственно относящегося к Юрию Всеволодовичу. Подтверждается это и известием фрагмента, которое непосредственно следует за приведенным рассказом: это — великокняжеское известие о второй женитьбе великого князя Всеволода на дочери витебского князя Василька, о чем нет в ростовском тексте, положенном в основу Лаврентьевской летописи. Составитель этого текста под 6718 г. сохранил только первую половину владимирской записи о приезде митрополита Матфея во Владимир; вторую же половину он передал короткой фразой: «а митрополита учредивъ отпусти и с честью»⁶⁸. Опущено о том, что митрополит служил в Успенском соборе, что были «в веселии у великого князя Всеволода», что отпустили рязанских княгинь, что митрополит пробыл еще несколько дней «в чести и славѣ от великого князя от дѣтей его...» и т. д. Таким образом, во фрагменте Московского свода и здесь видим признаки владимирского великокняжеского памятника.

Ростовский составитель текста, сохранившегося в Лаврентьевской летописи, тоже имел в руках владимирский великокняжеский летописный памятник вел. князя Юрия Всеволодовича, что с полной ясностью обнаруживается при анализе рассказа о Батыевом нашествии; там владимирский текст перебивается вставками из ростовского, что было вполне основательно показано М. Д. Приселковым. Нет ничего удивительного поэтому, что не-

⁶⁸ См. Лаврентьевскую летопись.

которые владимирские известия сохранились только в Лаврентьевской летописи, а некоторые частично полнее в Лаврентьевской, чем в Московском своде. Показательно соотношение известия Лаврентьевской летописи и владимирского фрагмента Московского свода о женитьбе Юрия Всеволодовича под 6719 г. Во фрагменте дана дата венчания (10 апреля), опущенная в Лаврентьевской, а в Лаврентьевской упомянут епископ Иоанн и дан конец известия, опущенный в Московском своде: «и ту сущю великому князю Всеволоду и всѣмъ благороднымъ дѣтемъ и всѣмъ велможамъ, и бысть радость велика в Володимери градѣ». Показательно также, что некролог Всеволода в Лаврентьевской и во владимирском фрагменте восходит к одному источнику, что видно из общего плана некролога и отдельных фраз⁶⁹. Однако в Лаврентьевской кое-что выпущено и, по-видимому, не случайно. Так, нет перечисления присутствовавших на похоронах сыновей Всеволода (Константина на похоронах не было): Юрия, Владимира, Святослава. Кроме того, выпущены подробности о строительстве глав владимирского Успенского собора⁷⁰. Вместе с тем в Московском своде нет значительной части некролога Всеволода, что можно объяснить тем, что в этом своде некролог сокращен, вероятно, при составлении Московского свода или его источника XV в.⁷¹; в частности опущено упоминание (сделанное в связи с построением владимирского Рождественского монастыря) о том, что Всеволод судил суд, «не обвиняя лица сильныхъ своихъ бояръ, обидящихъ меншихъ...» и т. д. Во второй половине XV в. подобная реплика в официальном великокняжеском своде едва ли была допустима.

Владимирский летописный памятник вел. князя Юрия сохранял сведения о конфликте между Всеволодом, а затем Юрием, с одной стороны, и старшим сыном Всеволода Константином — с другой. Во владимирском фрагменте читаем важное для исто-

⁶⁹ Отметим также, что Всеволод в обоих текстах назван сыном Юрия и внуком Мономаха. В обоих говорится, что он был похоронен в Успенском соборе, «юже созда... брат его Андрѣй». В обоих упоминается, что он создал Дмитровский собор, что принес доску с гроба св. Дмитрия, мироточащую, из Селуня, и что построил церковь и создал монастырь «Рождства святыя богородица». Наконец, в обоих текстах вслед за некрологом следует сообщение о том, что рязанские князья были отпущены в Рязань.

⁷⁰ В Лаврентьевской летописи выпущена фраза, написанная летописцем в первом лице: «и ина многа памяти достойна створи, *их же прежде писахом*».

⁷¹ В Московском своде нет славословия начиная от «много мужествовавъ...» до слов «вся врагы его» и ниже от слов «имѣя присно страхъ божи...» до слов «...и до мужьства». В славословии проглядывает влияние некролога Владимира Мономаха (см. слова «его имене трепетаху вся страны» и место, почти дословно повторенное в некрологе Всеволода: от слов «не взношашеся...» до слов «...под нозѣ его вся врагы»).

рика сообщение о конфликте между Всеволодом и старшим сыном Константином и тех мерах политического характера, которые принял Всеволод.

Всеволод хотел, чтобы старший сын по смерти его сел во Владимире, а Юрий в Ростове. Но Константин, получив известие, не поехал к отцу. Он хотел «Володимеря к Ростову». Зная ход борьбы городов во второй половине XII в. в Ростово-Суздальской земле, нетрудно догадаться, что в Ростове смотрели на завещание Всеволода как на раздел земли — волости (что и было, действительно, закреплено разделением ростово-суздальской епархии в 6721 г. на две: ростовскую и владимирскую) и опасались, что за Ростовом утвердится положение второго по значению княжества. Причины конфликта коренились, по-видимому, в тех социально-политических противоречиях, которые обнаружились в стране еще после смерти Андрея Боголюбского (в 1174—1177 гг.). За спиной Константина стояла сильная ростовская боярская среда, и Всеволод счел необходимым закрепить свое завещание другими мерами. После того как Константин вторично не поехал на вызов, Всеволод созвал тот съезд «с городовъ и съ волостей» бояр, духовенства, купцов, дворян и «вси люди», о социально-политическом смысле которого нам приходилось говорить в другой работе⁷². Призванные присягнули Юрию, попечению которого была поручена и его «братия». Практика таких съездов с представителями разных сословий на Руси не получила дальнейшего развития отчасти, может быть, из-за условий татарского ига. Константин, узнав о происшедшем, «вздвиже брѣви собѣ съ гнѣвомъ на братию свою, паче же на Георгия», как читается во владимирском фрагменте, сочувствующем Всеволоду и Юрию.

Ростовский же составитель счел нужным полностью опустить сведения о конфликте, явно не желая развертывать перед читателем картину междукняжеской розни, и, наоборот, подчеркнул единение Константина с отцом, сообщив, что во время пожара в Ростове, в мае того же года «христоролюбивии благовѣрнии князь» Константин будто бы был тогда во Владимире «у отца» и, узнав о беде, выехал в Ростов, где утешал «ростовских мужей», говоря «богъ да, богъ взя...» и т. д.

Владимирские фрагменты и под следующим годом рассказывают об отношениях, резко враждебных, между Юрием и Константином. При этом в характере изложения, как можно заметить, проглядывает черта, которую мы наблюдали выше: освещаются намерения не только владимирской, но и враждебной

⁷² См. «Проблемы источниковедения», вып. X, М., 1962 г., стр. 391.

стороны. Под 6720 г. говорится, что Святослав ушел к брату Константину Ростовскому, а Константин, как поясняется, начал рать «замышляти» против Юрия, желая «под нимъ взяти Володимерь». Юрий не хотел его пустить и пошел на него с Ярославом, Владимиром и Иоанном; под Ростовом они «умиришася». Из последующего рассказа обнаруживается, что все положение оставалось неопределенным и напряженным: теперь Владимир бежит к Константину. Тогда Юрий с Ярославом и Иоанном выходят к нему на «снем» и у Юрьева князя примиряются. Но затем Владимир идет на Волочок, откуда Константин посылает его к Москве, где он затворяется. Между тем Святослав возвращается от Константина к Юрию, и тот дает ему Юрьев Польский.

Если составитель ростовской (Лаврентьевской) редакции преследовал цель показывать в прошлом сцены согласия и по мере возможности не показывать распрей, то понятно, что он обо всем этом умолчал, а сказал только, что Юрий с Ярославом приходили к Ростову, «умиришася» с Константином и разошлись.

Тенденция ростовского составителя (Лаврентьевской редакции) ясно видна при сравнении Лаврентьевской летописи с владимирским фрагментом под 6721 г. Ростовский составитель не обнаруживает намерения выставить Юрия виновником разногласия с Константином; он хочет только говорить не о разногласии, а о согласии между князьями.

Во владимирском фрагменте читаем, что Константин начал «опять рать замышляти на братию», а Юрий вместе с Святославом, Ярославом, Иоанном и Давыдом Муромским двинулись к Ростову. Услышав об этом, Константин посылает «полк свой» на Кострому, сжигает ее, а «людей» захватывает. Юрий с «братъею» приходят к Ростову и дают сражение («и бишася о рѣку Идшю»). Войско Юрия стоит здесь несколько дней, причем сжигает много «сел» около Ростова. После «докончания» с Константином рать Юрия идет к Москве, где он договаривается с Владимиром, которому дают Переяславль Русский. В Лаврентьевской же летописи ничего не говорится ни о военных действиях, ни об опустошениях, а отмечено только, что Юрий с Ярославом вторично приходили к Ростову, «створили поряд» с Константином и пошли затем к Москве и т. д.

К сожалению, не сохранилось владимирского описания событий, связанных с Липицкой битвой в 6724 (1216) г. Дело в том, что подробный рассказ о них в Московском своде 1479 г. восходит к новгородскому источнику и близок к Софийской I летописи. А в Лаврентьевской летописи (под 6725 г.) не приведено почти никакого конкретного материала. Составитель, конечно, намерен-

но почти ничего не сообщает об этой междоусобной войне. В изложении событий он ограничивается несколькими словами: Юрий и Ярослав бились с Константином у Юрьева и одолел Константин; столкновение завершилось «великой любовью» («введе я в великую любовь»). И здесь же составитель поясняет, что воздвигнуть междоусобную рознь стремится дьявол, который хочет, чтобы в вечной муке пребывал не он один, но и люди.

Наконец, из Лаврентьевской летописи совсем выпали сведения о пребывании Юрия в Городце: о том, что Константин Всеволодович (в 6725 г.) вызывал из Городца брата Юрия, который приехал к нему с «епископом своим» Симоном и боярами и был направлен Константином в Суздаль, куда и поехал, сопровождаемый своим епископом, урядившись предварительно с Константином, что после смерти последнего перейдет во Владимир. Зато в Лаврентьевской летописи, как мы видели выше, вложено в уста Константина поучение на тему о любви между князьями, адресованное ростовским князьям Васильку и Всеволоду (6726 г.).

Попутно отметим небольшое фактическое расхождение между показаниями владимирских фрагментов и Лаврентьевской летописью под 6721—6722 гг. Во фрагментах говорится, что епископ Иоанн по оставлении кафедры пошел в Суздаль, в Козмодемьянский монастырь, где был «черноризцем»; а в Лаврентьевской летописи — что он постригся «в черньць в монастыри в Боголюбомь».

Составитель Лаврентьевской редакции совсем опустил рассказ о взятии болгарами Устюга и о нападении их на Унжу в 6727 г. Опущено было составителем ростовской (Лаврентьевской) редакции и известие, взятое, как видно, из великокняжеского владимирского памятника, о том, что рязанский князь Ингвар прислал к «великому князю» Юрию и брату его Ярославу, прося помощи против половцев; что эта помощь была оказана и половцы разбиты (см. владимирские фрагменты).

Наконец, во владимирских фрагментах значительно подробнее изложен поход на болгар 6728 г.

В основу этого рассказа владимирских фрагментов положены записи, которые велись в походе (см. «...и страшно бысть видѣти», или «бывшу же ему у лодей и вѣста буря с дождем, яко же и лодиамаъ възмястися...», «Ту же и на ночь облеже. И на утрѣи ту обѣдавшѣ поидоша...» и т. д.).

Судя по тому, что на протяжении всего рассказа в центре описываемого стоит Святослав, которого Юрий послал в поход, возможно, что записывавший был при Святославе. Он внимательно следит за ходом военных действий: за движением войска, за расстановкой «полков», за состоянием вражеских

укреплений и т. д. Местами рассказ принимает художественный оттенок⁷³ и даже с лирической окраской⁷⁴.

И здесь материал обработан и объясняются (хотя в меньшей степени, чем в описаниях более ранних событий) намерения и поступки не только русской, но и противной стороны (см., например: «слышавше же болгары въ Великомъ градѣ и въ иных градѣхъ, яко город их Ошель взят, и *печальни быша* повелику зѣло, и собравшася всн...» и т. д.; или «А болгарьстии послы пришедше сказаша своим, яко князь Юрьи стоить на Городци, ожидая братьи своеи, а мира не дасть, но хоцеть паки ити на ны. Они же убоаяся зѣло...» и т. д.).

Данный фрагмент также подтверждает, что изучаемые владимирские фрагменты восходят к летописному памятнику, составленному для прославления или в память великого князя владимирского Юрия. Рассказ начинается с того, что «великий князь» Юрий послал своего брата Святослава на болгар, с ним отправил свои «полки», а «воеводство» поручил Еремею Глебовичу. А ниже, в соответствии с этим рассказано, как, возвращаясь, Святослав послал весть Юрию, как Юрий вышел навстречу войску, какая была «радость велика» во Владимире: «и створи князь Юрьи учреждение великое брату своему и во емъ всем по три дни...» и т. д. А потом — как сам Юрий возглавил второй поход и в результате переговоров заключил мирный договор: «яко же было при отци его Всеволодѣ и при дѣдѣ его Георгии Володимеричи...».

В Лаврентьевской редакции по сравнению с рассказом владимирского фрагмента — лишь краткая заметка. Это сильно сокращенная переработка, возможно общего источника, хотя в распоряжении составителя могли быть и другие записи. Заметим, что он дважды употребляет местоимение «наши»; аналогичное наблюдение отмечено нами выше.

Итак, мы убедились при сравнении с владимирскими фрагментами, извлеченными из Московского свода, как неполно отражала Лаврентьевская летопись владимирский великокняжеский свод первой половины XIII в. То был памятник, составленный для прославления или в память великого князя Юрия Всеволодовича, причем составитель в ряде случаев использовал записи, которые велись во время военных действий. Но материал был обработан в нем в виде «Истории», в том отношении, что

⁷³ См.: «...повелѣ же всѣм во емъ своимъ оболочитися въ бранѣ и стягы наволочити, и наряди полки в насадѣхъ и в лодиахъ, и поиде полкъ по полцѣ, бѣюще въ бубны и в трубы и в сопѣли...» и т. д.

⁷⁴ См.: «болгары же идуще по брѣгу, видяще своих ведомых, овому отци, иному сыны и дщери, другому же братья и сестры и съплеменци, и стаху покывающе главами своими, и *стонюще сердци ихъ и смѣжающе очи свои*».

освещались намерения и поступки не только своей стороны, но и враждебной.

В первой части нашей работы мы говорили об общей тенденции, которая проглядывает в тексте XIII в. Лаврентьевской летописи, и объясняли ее условиями и обстановкой в которой составлялся великокняжеский владимирский свод 1281 г. Параллельный анализ владимирских фрагментов и Лаврентьевской летописи в полной мере подтверждает наш вывод о задачах составителя великокняжеского свода, перерабатывавшего владимирский текст на ростовском материале.

В Московский свод 1479 г. владимирские фрагменты попали вместе с ростовским владычным источником. А в Лаврентьевскую летопись, точнее в свод 1305 г., обильный ростовский материал попал вместе с великокняжеским владимирским сводом 1281 г. Как же это могло случиться? Если великокняжеский владимирский свод составлялся в Ростове, то туда должны были перевезти и предшествующий владимирский свод. Этот владимирский свод и остался, очевидно, в Ростове, где его в XV в. нашел составитель одной из редакций владычного ростовского свода и воспользовался им. А новый, великокняжеский владимирский свод 1281 г. был перевезен во Владимир, в великокняжеский центр, где он хранился и дополнялся в 1305 г. А позднее, в 1377 г., над ним работал, как мы говорили, Лаврентий, труд которого остался во владении Владимирского Рождественского монастыря.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В Лаврентьевской летописи есть текст (под 1231 г.), который трудно поддается интерпретации. Между тем для изучающего Лаврентьевскую летопись с текстологической стороны он представляет интерес и, в известном смысле, загадку. Я понимаю текст, который начинается словами: «Любовному оученью же и гщанью дивлься сего честнаго святителя Кирила...» и кончается фразой: «яко истиньна есть повѣстьству».

Неясность конструкции первых фраз побудила издателя А. Ф. Бычкова, а вслед за ним и Е. Ф. Карского, исправить слово «дѣтели» на «дѣтеля», с оговоркой, что будто это слово относится к Кириллу¹. А. А. Шахматов думал, что здесь слова затемнены местами позднейшими переписчиками². М. Д. Приселков, останавливаясь на этом тексте, писал: «К сожалению, текст Лаврентьевской летописи под этим годом спутан и сбит, и у нас

¹ См. «Летопись по Лаврентьевскому списку», изд. 3, СПб., 1897, стр. 436; ПСРЛ, I, изд. 2, Л., 1926, стр. 458.

² См. «Отчет о сороковом присуждении наград гр. Уварова», СПб., 1899 стр. 112.

нет материала и критерия, чтобы разъяснить себе получившуюся сбитость текста. Объяснение этому пороку текста Лаврентьевской летописи под 1231 г. я вижу в пороке каких-то внешних данных одной из ранних стадий жизни этого текста в XIII в.»³

Между тем это место летописи вызывало к себе интерес, во-первых, потому, что здесь летописец говорит сам о себе, и во-вторых, потому, что оно по содержанию носило характер вступления к литературному произведению и заставляло думать, что «статьей о Кирилле начиналась или летопись, посвященная деятельности Кирилла», или же «особое сочинение о нем». Шахматов полагал, что «автор ее был составителем особой ростовской летописи, а не составителем жития Кирилла епископа»; что составитель Лаврентьевского свода или его протографа встретился начиная с 1231 г. с новым источником (епископской летописью)⁴.

Происхождение и первоначальный смысл текста обнаруживаются при сравнении его с текстом предисловия к посланиям Павла в Апостоле (с толкованием) 1220 г., написанным на пергаменте и хранящемся в Синодальном собрании под № 95⁵. Это та самая рукопись, которую А. П. Соболевский относил к числу ростовских, что требует разностороннего изучения⁶. Приведем оба текста — Апостола 1220 г. (слева) и Лаврентьевской летописи (справа); сравнение ясно показывает, откуда заимствован летописный текст:

<p>Любъвьномуу оученію и тщанию дивлься твоеи любъ- ви, отче честьныи, съ страхъмь и покорениемъ послушая въ оузыцѣ мѣстѣ нѣкоемъ и въ въходнѣ⁷ написания себе</p>	<p>Любовному оученью же и тщанью дивлься сего честнаго святителя Кирила, с страхом и покореньемъ послушая въ оузыцѣ мѣстѣ нѣкоемъ и во входнѣ на- писанья собѣ вдахъ сего пер-</p>
---	--

³ См. М. Д. Приселков. История русского летописания..., стр. 98.

⁴ «Отчет о сороковом присуждении...», стр. 112—113.

⁵ Ранее XIII в. не имеем ни одного списка Апостола с ясным обозначением года написания (см. Г. Воскресенский. Древний славянский перевод Апостола и его судьбы до XV в. М., 1879, стр. 51). Апостол 1220 г. относится к первой редакции (см. его же. Послания ап. Павла. Сергиев Посад, 1892). Предисловие к посланиям Павла Г. Воскресенским в гряде этом не опубликовано (см. стр. 54 и сл.).

⁶ К такому утверждению привело Соболевского сравнение (формат и записи) рукописи 1220 г. с ростовским житием Нифонта Троицкого собр. № 35; см. А. П. Соболевский. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910, стр. 205—207 (из Сб. ИОРЯС, LXXXVIII).

В аналогичном тексте предисловия на л. 873 Библии 1499 г. Синод. библ. (№ 1) автором предисловия назван «Ифалиа диакон». Ср. Апостолы Троицкого собрания № 71 и Синод. библ. № 810 («Ефалиа»).

⁷ В Син. № 1 и № 810 читаем: «неудобъ входнѣ».

въдахъ сего първаго словесе Павля дѣтели напсати. Зѣло бо велие дѣло паче насъ въсприяхъ боязнию ослушания, разоумѣхъ бо въ притѣчахъ глаголемое, яко сынъ ослоушьливый в погыбѣль боудетъ(ь), послоушьливый же кромѣ ея боудеть; нѣ паче молитвы своя подажь ми и въ крилоу мѣсто раскрили сюдоу и оноудоу простѣри къ богоу, яко же нѣкъгда Моиси великый онѣ свои роуцѣ простѣре, помагая Израилю въ пѣлцѣ, да и азъ аерьскимъ духомъ нахожения⁸ избѣгнуу и направляя корабль словеси ти въ тихо пристанище въведу, начиная оубо бесѣдоу съде яко же истинна ѣсть повѣстьствоу.

ваго словесе дѣтели написати. Зѣло бо велье дѣло паче насъ въсприяхъ боязнию ослушанья, разумѣхъ в притчахъ глаголемое, яко сынъ ослушливый в погыбель будет, послушливый же кромѣ ея будет; но паче молитвы своя подажь ми и въ крилу мѣсто раскрили сюду и онуду простри к богу, яко же нѣкогда Моиси великый онѣ свои руцѣ простре, помагая Израилю в полцѣ, да и азъ аерьскимъ духомъ нахоженья избѣгну, направляя корабль словеси ти в тихо прѣстанище введу, начиная бесѣду сдѣ, яко истинна есть повѣстьству.

Интересующий нас текст Апостола 1220 г. есть, в общем, перевод с греческого и представляет собою начало предисловия к посланиям Павла. Греческий текст имеется в рукописи Апостола, писанной не позднее XIII в. и сохранившейся в том же собрании под № 346⁹.

Летописный текст очень близок, как нетрудно убедиться, к тексту Апостола 1220 г., одинаково отступая от греческого оригинала в деталях. Но, используя текст древнерусского Апостола, автор летописного текста внес нужные ему изменения и исказил первоначальный смысл. В тексте Апостолов древнерусского и греческого автор обращается от своего лица к какому-то «честному отцу», удивляясь его любви к знаниям и рвению, говорит, что, исполняя послушание, он (автор) в некоем суровом и труднодоступном (?) месте занялся написанием (предисловия к сочинениям Павла). В летописном тексте вставлено

⁸ В рукописи: «нахоженю».

⁹ По описанию Владимира — в XIII в.; по Амфилохию — в XI—XII вв. Греческий текст предисловия из Апостола был напечатан Амфилохием параллельно с текстом Апостола, его собрания: см. «Древле-славянский Карпинский Апостол XIII в....», М., т. II, 1885, стр. 3—20. При сравнении с греческой рукописью в опубликованном тексте обнаруживаются опечатки, затемняющие смысл: так, вместо «επαφῆ» следует читать «επαφῆ»; вместо «εἰς εὐδίον» следует читать «εἰς εὐδίον» (см. греческую рукопись № 346[24] на л. 93об.).

вначале имя Кирилла, а ниже удалено упоминание об апостоле Павле.

Летописный текст под 1231 г. (в Лаврентьевской летописи) находится в окружении записей, сделанных, по ряду признаков, при ростовском епископском соборе¹⁰.

Текст предисловия из Апостола был приспособлен применительно к рассказу о Кирилле или составителем одного из летописных сводов, или, вернее, составителем какого-то литературного памятника, посвященного Кириллу и затем использованного составителем свода. Таким памятником могли быть просто записи о деятельности Кирилла или собрание «слов» или поучений Кирилла, которым (по аналогии с Апостолом) предпосылалось предисловие.

¹⁰ См. «Проблемы источниковедения», вып. X, стр. 358—359.